

Дмитрий Федосов (Москва)

ORCID 0000-0003-2959-4781

Об одной ветви Гриневичей герба *Przyjaciel*.

Родословный очерк

DOI 10.25951/3293

SUMMARY

A Branch of the Hryniewicz family which bore the *Przyjaciel* arms

The line of the Hryniewicz family in question is probably the oldest, and can be traced back to the 15th century. Stemming from near Smolensk in western Russia, it settled in the Grand Duchy of Lithuania, in the eastern part of modern Belarus, converted to Roman Catholicism and was gradually polonized. Some of its members held substantial estates and ranks in local administration, and became related to such eminent dynasties as Princes Korybut-Woroniecki and Puzyna. The principal hero of this branch is Tomasz Piotr Hryniewicz (1817–1863), a retired hussar officer of the Russian army who, against hopeless odds, headed the Rohaczów (Rogachov) party of insurgents in the Polish Rising of 1863, was captured and executed by a Russian firing squad. A few weeks before his death he wrote an ardently patriotic poem, praising the Polish cause of independence. This article is the result of many years of research by a historian who descends from Tomasz.

KEYWORDS: Hryniewicz, *Przyjaciel* coat of arms, Grand Duchy of Lithuania, Belarus, Russia, Polish Rising of 1863, military service, family history, genealogy.

STRESZCZENIE

Linia Hryniewiczów, o której mowa w artykule, była prawdopodobnie najstarsza. Jej początków szukać należy jeszcze w XV w. Wywodziła się ze Smoleńszczyzny (zachodnia Rosja), a osiadła w Wielkim Księstwie Litewskim, we wschodniej części współczesnej Białorusi. Jej przedstawi-

ciele przeszli na katolicyzm i stopniowo się polonizowali. Niektórzy z nich posiadali znaczne majątki, sprawowali urzędy ziemskie i skoligaceni byli z tak wpływowymi rodami, jak książęta Korybut-Woronieccy i Puzynowie. Głównym bohaterem niniejszego artykułu jest Tomasz Piotr Hryniewicz (1817–1863), emerytowany oficer armii rosyjskiej, który w powstaniu polskim 1863 r. przewodził partii powstańców, działającej w rejonie Rohaczowa na wschodniej Białorusi. Został schwytyany i stracony przez rosyjski pluton egzekucyjny. Kilka tygodni przed śmiercią napisał żarliwie patriotyczny wiersz, sławiąc w nim sprawę polskiej niepodległości. Ten artykuł jest efektem wieloletnich badań historyka, który jest jednym z potomków Tomasza Hryniewicza.

SŁOWA KLUCZOWE: Hryniewicz, herb Przyjaciel, Wielkie Księstwo Litewskie, Białoruś, Rosja, powstanie styczniowe 1863 r., służba wojskowa, genealogia.

Кождому бовѣмъ потребная есть речъ
о своєї отчизнѣ знати и иншимъ пытающимъ сказати,
бо своего роду не знающихъ людеи за глупыхъ почитаютъ.
Що теде из розныхъ лѣтописцовъ русскихъ
и кроиникъ полскихъ вычиталем, тое пишу.

Феодосій Софонович, *КРОИНИКА*, 1672¹

16 июля ст. ст. 1863 г. в Рогачеве, тогда уездном городе Могилевской губернии Российской Империи (прежде – владение Речи Посполитой, ныне районный центр независимой Беларуси), по приговору военного суда был расстрелян участник Польского восстания, местный шляхтич Томаш Гриневич². Одна из бесчисленных роковых судеб поборников польского национального дела... Он был не рядовым повстанцем, а по официальным русским документам – «начальником мятежнической шайки», то есть командиром повоевого партизанского отряда. Но прежде чем продолжить, надо пояснить, почему автор настоящей статьи, с трудом читающий по-польски и не очень искушенный в истории Польши, дерзает обращаться к такой теме.

Прежде всего я – профессиональный историк с немалым опытом архивных изысканий и вышедших трудов. Во-вторых, я не чужд истории Речи Посполитой и недавно завершил как в подлиннике, так и в русском переводе первое полное научное издание известного «Дневника» генерала Патрика Гордона оф Охлухрис (1635–1699)³, главного наставника царя Петра I. Этот

¹ F. Sofonovych, *Hronika z litopysciv starodavnih*, Kyi'v 1992, l. 1–2.

² Tomasz Hryniewicz, на русский лад Фома Михайлович Гриневич. Я сохраняю принятое русское написание, хотя более точная транскрипция – Хрыневич.

³ *Diary of General Patrick Gordon of Auchleuchries 1635–1699*, 6 Vols, Aberdeen 2009–2016; P. Gordon, *Dnevnik 1635–1698*, 6 tomov, Moskva 2000–2018.

шотландский воин много лет прослужил в Польше, отлично узнал страну и посвятил польским делам полтора из шести уцелевших томов своих записок. Журнал Гордона давно и по праву признан ценным источником по истории Польши XVII в. Перед лицом османской угрозы Гордон был сторонником единства христиан и союза между своими русскими и украинскими товарищами по оружию и польско-литовскими братьями по католической вере. Это явствует, между прочим, из его меморандума князю В.В. Голицыну, главе русского правительства при малолетних царях Иване и Петре, в 1684 г. Учитывая взгляды генерала, его высокий ранг и близость ко двору, он сыграл видную роль в повороте от векового русско-польского противостояния к «Вечному миру» 1686 г. Через живой рассказ очевидца я близко приобщился к трагической эпохе «Потопа» и дальнейшим событиям в Речи Посполитой, которые неизбежно переживали и ее подданные Гриневичи со всей своей родней.

По семейному преданию, кровь этого рода течет в моих жилах. Сестра моего деда по отцу Анастасия Васильевна Федосова (1909–1997) передавала, что ее мать Федора Федоровна Хапанцова (1883–1962) была внучкой казненного за Польское Восстание помещика Гриневича. Все они происходят из одной округи, и мой отец появился на свет в том самом городе, где погиб Томаш. Как историк, я счел долгом пойти по указанному следу. К сожалению, в моей семье старинных бумаг почти не осталось. Архив Мстиславского Уездного Суда, где хранились документы рода, был razорен в 1812 г. Великой Армией Наполеона, а большая часть могилевского архива, где должны были храниться конфискованные бумаги Томаша и материалы суда над ним, сгинула во II Мировой Войне. И все же после многолетних поисков в собраниях Москвы, Петербурга, Минска, Вильнюса, а также с помощью польских друзей и в Варшаве, удалось найти немало сведений о Гриневичах, их биографиях, семейных связях, владениях и службе. Не раз случалось, что на листках использования выданных мне рукописей не стояло ни одного имени – коллегам должно быть знакомо волнующее чувство, когда спасаешь от забвения свидетельства былого, которых, возможно, еще долго никто бы не коснулся. В летописи рода до сей поры остается много пробелов и загадок, но известно довольно, чтобы поделиться уже обретенным.

Фамилия Гриневич издавна и поныне довольно широко распространена в Польше, Литве, Беларуси, Украине и России. Хотя, как мы увидим, Томаш был убежденным и страстным патриотом Польши, его род с обеих сторон имеет западнорусское происхождение и несколько столетий обитал в пре-

делах Великого Княжества Литовского. Сначала мне представлялся образ безвестного, малоимущего или неимущего шляхтича из младших сыновей, которому нечего терять, отчего он и отважился выступить против российской короны. Однако выяснилось, что по отцу и деду – богатым помещикам – он принадлежал к древнейшей из известных ветвей своего рода⁴, восходящей к XV веку; его матерью оказалась урожденная княжна Пузына, а бабкой – княжна Кобыт-Воронца, так что через титулованную знать он состоял в родстве или свойстве с аристократией и рядом видных деятелей Речи Посполитой⁵.

Гриневици обитали от края до края литовских владений, от Жемайтии (Жмуди) до Смоленской и Мстиславской земель, пограничных с Московской Русью. Отрасль Томаша зародилась на этом восточном рубеже Речи Посполитой, после гибели которой члены рода должны были подтвердить свое благородное происхождение в Российской Империи. В 1799 г. на сей счет они подали целый ряд документов в Минское Дворянское Собрание⁶, где отмечалось, что их фамилия «podług swiadectwa autorów Pol[skich] bierze swój początek w owych dawnych i odległych czasach, gdzie zaszczyt dostojności szlacheckiej za cnotliwe dla kraju zasługi, lub za dzieła rycerskie w obronie ojczyzny okazane był wymiarem»⁷.

Старейший из представленных ими актов написан не на польском или латинском, а на западнорусском (или старобелорусском) языке. Это привилегия короля Сигизмунда II, данный в Вильне 29 октября 1551 г.:

Били намъ чоломъ бояре кричовские на имя Панко а Илья Гриневици и покла-дали перед нами листъ славное памяти короля его м[и]л[о]сти Жикгимонта, пана отца н[а]шого, в которомъ описуетъ, ижъ его м[и]л[о]сти з ласки своее з[о]с[по]-д[а]р[ь]ское дядка ихъ Якова при земли Ивашняй Арбузовъщине зоста-вил, и от даванья куниц по шести грошей и от служобъ и подачокъ местъскихъ его вызволити рачиль, и росказалъ ему и потомкомъ его с тое земли службу земъскую посполъ з ыншими бояры кричовскими служити [курсив мой – Д.Ф.]... А к тому тежъ покладали они листъ увяжчий дворянина н[а]шого Ждана Михайловича, в которомъ описуетъ, ижъ он, за росказаньем славное памяти короля его м[и]л[о]сти пана отца н[а]шого, увезал тых Грыневичов во властную отчизну ихъ, у две земли у Сожина а у Язву зъ сеножатми и бортными землями, и з бобровыми

⁴ «Гриневици», *Jenciklopedicheski slovar' Brokgauz i Efron. Biografii*, t. 4, Moskva 1993, s. 378.

⁵ См. родословную в конце статьи, составленную мной по русским и польским источникам, опубликованным и архивным.

⁶ Nacional'nyj Istoricheski Arhiv Belarusi (NIAB), Minsk, f. 319, op. 2, d. 816, l. 1–3.

⁷ *Ibidem*, op. 1, d. 27. l. 31.

береги, и с перевези, и с озери, и со всимъ, яко ся здавна тые земли в себе мають. И били намъ чоломъ, абыхмо ихъ при тыхъ земляхъ zostавили и тые листы их симъ н[а]шимъ листомъ потвердили. А такъ мы, оных листов огледавши, и з ласки н[а]шое г[оспода]рское на чоломъбитье их то вчинили, и при тыхъ земляхъ вышеписаных ихъ zostавуемъ. Мають они тые земли со всимъ, яко ся здавна в себе мають, держати и вживати до воли и ласки н[а]шое г[о]с[по]д[а]рское. А намъ с тых службу земскую посполъ з ынъшими бояры кричовскими мають они служити⁸.

Итак, перед нами не новое пожалованье, а подтверждение акта короля Сигизмунда I (1506–1548), данного еще деду челобитчиков, кричевскому боярину Якову, который родился, вероятно, в конце XV в. и может считаться родоначальником Гриневичей. Немногие из нетитулованных российских дворян XVIII–XIX вв. могли похвастать столь древними монаршими грамотами на вотчины с угодьями, причем подлинность привилея бесспорна. Точно установить местоположение Арбузовщины, Сожина и Язвы пока не удалось, но поскольку второй топоним также назывался по владельцам Гриневицкой, его можно отождествить с одной или обеими соседними деревнями Гриневицкая на реке Соженке к северо-востоку от Кричева⁹ (ныне Шумяцкий район Смоленской области России, близ границы с Беларусью). Судя по греческим именам первых носителей фамилии – сын Якова Федор (на латинице *Chwiedor*) и его сын Афанасий (Панко) – они держались тогда православной веры.

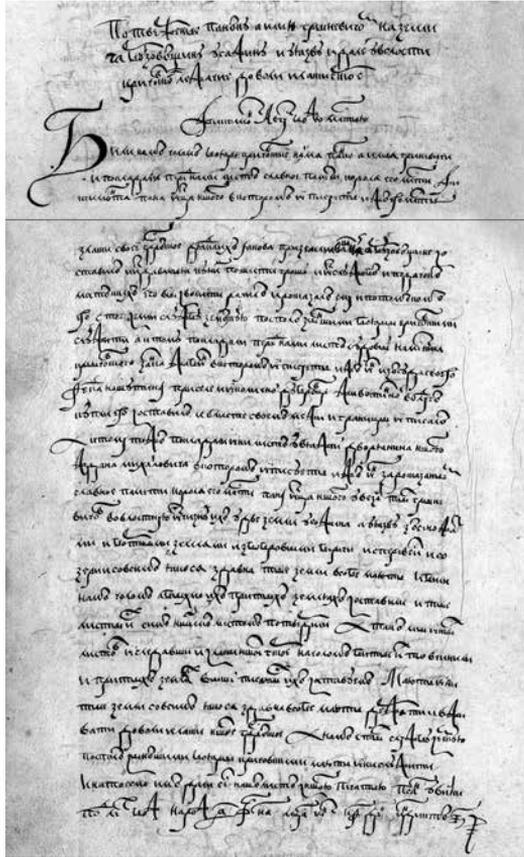
С давних пор Гриневици, как и несколько десятков других польско-литовских фамилий, пользовались гербом *Przyjaciel*, который имеет много вариантов¹⁰. Описание герба нашей ветви таково: „Dwa serce ludzkie [czerwony], między niemi strzała [srebrna] końcem w górę, umieszczona w polu błękitnym. W hełmie pięć piór strusich”¹¹.

⁸ Первый сохранившийся официальный список этого акта, 1590-х годов. Rossijskij Gosudarstvennyj Arhiv Drevnih Aktov (RGADA), Moskva, f. 389, op. 1, d. 28. l. 101–101 ob. Опубликован: *Metryka Vjalikaga Knjastva Litowskaga. Kniga 28 (1522–1552)*, Mensk 2000, s. 164. Гриневици предъявляли другую копию («из книг земских Чериковского повета»), где дан полный титул короля и приписка в конце: «Принял Воеводства Виленского Великий Канцлер Миколай Янович Радзивил; Ермошт Писар». Rossijskij Gosudarstvennyj Istoricheskij Arhiv (RGIA), Sankt-Peterburg, f. 1343, op. 19, d. 4618, l. 8–8 ob; NIAB, f. 147, op. 3, d. 11658, l. 9.

⁹ *Special'naja karta Evropejskoj Rossii (Karta Strel'bickogo), list 29 – Mogilev*, Sankt-Peterburg 1865.

¹⁰ S.T. Chrzęński, *Tablice odmian herbowych*, Warszawa 1909, tabl. XVII.

¹¹ NIAB, f. 319, op. 1, d. 27, l. 31.

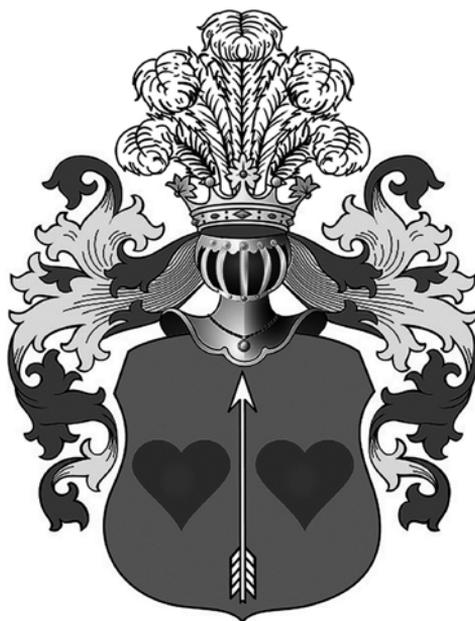

1. Грамота короля Сигизмунда II на земли Панку и Илье Гриневичам. 1551. RGADA, f. 389, op. 1, d. 28, ff. 101–101 ob.

Эта разновидность в польской геральдике иногда называется *Przyjaciel II* или собственно *Hryniowicz*¹². *Przyjaciel* не принадлежит к числу древнейших геральдических щитов Польши XIII – начала XV вв.; не назван он и среди гербов, дарованных католической литовской знати по условиям Городельской Унии 1413 г.¹³ Прославлению древности герба и знатности рода содей-

¹² W. Kojalowicz Wijuk, *Herbarz rycerstwa W. X. Litewskiego tak zwany Compendium*, Kraków 1897, s. 244–246; A. Boniecki. *Herbarz polski. Część I. T. VII. (Grabowscy – Hukiewiczowie)*, Warszawa 1904, s. 383 («Hryniowiczowe h[erbu] własnego»); T. Gajl, *Herbarz polski od średniowiecza do XX wieku*, Gdańsk 2007. http://gajl.wielcy.pl/herby_nazwiska.php?lang=pl&herb=przyjaciel2 (доступ: 22.11.2018).

¹³ J. Łojko, *Średniowieczne herby polskie*, Poznań 1985, s. 58; S. Kutrzeba, W.A. Semkowicz, *Akta unji Polski z Litwą, 1385–1791*, Kraków 1932, s. 50–54, 69–70.

2. Герб Przyjaciel-Hryniewicz. [https://pl.wikipedia.org/wiki/Przyjaciel_\(herb_szlachecki\)](https://pl.wikipedia.org/wiki/Przyjaciel_(herb_szlachecki))

ствовала красивая легенда. В 1166 г., возглавив поход на язычников-пруссов, князь Хенрик Сандомирский был завлечен в густую и топкую чащу и получил в бою смертельную рану; его рыцарь и друг Мирослав, спрыгнув с коня, доблестно оборонял тело князя и пал на него, пронзенный стрелами; в награду за подвиг великий князь Польши Болеслав IV даровал потомкам Мирослава герб *Przyjaciel* с сердцем, символом любви и верности, и стрелой. Так повествуют знаменитые авторы Бельский, Папроцкий и Окольский¹⁴, ссылаясь на более старого хрониста Альберта Стрепу. По-видимому, прототип этой группы эмблем возник в середине XV в., а *odmiana Przyjaciel II (Hryniewicz)* существовала к середине XVII в., когда ее описал Коялович.

В польскоязычном деле о дворянстве Гриневичей на рубеже XVIII и XIX веков поколенная роспись изучаемой ветви выглядит так: Chwiedor (сын ро-

¹⁴ *Kronika Polska Marcina Bielskiego*, ks. II, Warszawa 1830, s. 25–27; В. Paprocki, *Herby rycerstwa polskiego*, Kraków 1858, s. 743 («Pisze Albertus Stropa...: Ibi Miroslaus unus de famulis Henrici ducis, videns dominum suum pene cecidisse in loco illo lutoso, de equo desiliens corpus domini sui viriliter defendens, tellis obrutus cecidit. Fuit autem is de ea familia, qui se Amicos vocant, cujus stemma cor hominis in patina sagitta transfixum»); S. Okolski. *Orbis Polonus*, t. 2, Cracoviae 1642, s. 532–533.

дона начальника Якова, названный «aktualnym Polskim Szlachcicem») – Panko – Marcin – Jan – Grzegorz – Piotr – Tomasz¹⁵. О большинстве из них не приводится никаких подробностей: ни дат жизни, ни званий, ни имен их супругов, которые по-видимому выбирались из окрестной шляхты. Лишь о предпоследнем, Петре, можно сказать, что в середине XVIII в. он имел немалый чин скарбника Мстиславского, ибо его сын Томаш назван скарбниковичем. Именно с Томашем, в последний период Речи Посполитой, мстиславские Гриневичи выходят из тени и достигают некоторых высот.

Томаш (ок. 1742 – до 1814) впервые официально упомянут в привилеее короля Станислава Августа 14 ноября 1767 г. как дворянин Его Королевской Милости, причисленный к придворным чинам¹⁶. Он основательно занялся устройством своих семейных, земельных и имущественных дел, состоя к тому же в литовской кавалерии: в 1772 г. он значился мстиславским ротмистром и 3 декабря продал свои родовые имения Язва, Стройкалы и Сожин с крестьянами и всеми принадлежностями Антону и Богумиле из Гриневичей (его сестра?) Ивицким; таким образом, Сожин и Язва отчуждались после примерно двух с половиной веков родового владения! Этот тяжелый шаг, вероятно, был вызван тем, что Гриневичи не хотели связывать судьбу своей семьи с Россией, к которой в том же году по первому разделу Речи Посполитой отошли все мстиславские земли.

Но вскоре Томаш возместил утрату. Получив от короля 4 февраля 1774 г. чин подстолия Мстиславского Воеводства, 21 марта 1775 г. он купил у Прушановских за 950 червонных фольварк Горбацевичи с крестьянами в Речицком повете Минского Воеводства. 29 ноября 1776 г. Станислав Август пожаловал Томаша шамбеляном Двора Польского, а 12 ноября 1778 г. даровал ему с мужскими наследниками ленное имение, поступившее после кончины князя Михала Кобыбут-Воронецкого, в Речицком повете: Лиски, Узногу, Репки и Минскую Слободку со всеми принадлежностями. К этому времени Томаш снискал в своих краях такое уважение, что 22 августа 1780 г. сенаторы, земские, городские и военные чины и дворяне Речицкого повета избрали его послом на очередной сейм. 8 февраля 1791 г. был снова объявлен акт от Речицкого повета об избрании того же депутата на сейм в Вильне. 18 февраля 1792 г. он же получил одобрительное свидетельство от чиновников и дворян того же повета как посол на Литовский

¹⁵ NIAB, f. 319, op. 1, d. 27, l. 31 ob.

¹⁶ *Ibidem*; f. 147, op. 3, d. 11658, l. 9–9 ob.

Главный Трибунал и ассессор для соблюдения порядка и тишины при начатии сейма¹⁷.

Томаш Гриневич-старший был не только лично известен королю Станиславу, но и вел с ним переписку. 22 января 1789 г. Станислав уведомил подстоля Мстиславского: «Хорунжий Довнарлович едет лично ходатайствовать на сеймиках о подкоморстве и по высшим местам. Он, Король, будет усматривать хорошего времени поместить его, Гриневича, в каковой[-либо] поветовый чин». 11 марта того же года последовало еще одно монаршее послание: король «за получением письма от Гриневича тотчас повелел поговорить со стражником Литовским Юдицким, яко Речицким старостою, о пожаловании ему звания подстаросты Речицкого Гродского, но уже стражник звание отдал шамбеляну Оскерке». 27 мая 1790 г. Станислав продолжал: «не имея еще донесения о кончине Войского Хлевинского, – буде же сие действительно случилось, то советует, чтобы [Гриневич] сообщил[ся] на счет сего звания с бывшим Литовским стражником Юдицким, и когда от него исходатайствует он к нему [королю] представление, то тем приятнее будет ему учинить для него по просьбе Юдицкого». Правда, 4 июля 1791 г. король отвечал на обращение Гриневича, что не может удовлетворить просьбу об устройстве трех его сыновей в Кадетский Корпус. 12 января 1792 г. датировано еще одно письмо короля Томашу, «при коем препровождены письма к Юдицкому и Хлевинскому, в ответ на письмо Гриневича». Наконец, 30 марта 1792 г. Станислав пожаловал его скарбником Речицкого повета¹⁸.

Под натиском царской России Гриневичи постепенно отступали на запад и перекочевали из Смоленских земель (Кричев и Мстиславль) в Бобруйский повет Минского Воеводства. В последний год Речи Посполитой, 1795, Sędzia Ziemi, Skarbnik Rzeczycki, Podstoli Wojewodstwa Mściślawskiego, Dworu Polskiego Aktualny Szambelan Tomasz Piotra syn Hryniewicz «имел твердое жительство» в селе Горбацевичи. Там, как подобало крупному помещику, он содержал небольшой двор из служителей-шляхтичей, включая дворецкого (marszałek dworu – мечникович мстиславский Михал Шпаковский), ключника (szafarz) и эконома¹⁹, а также немало прислуги.

Одним из главных владений Томаша было старинное местечко Поболов (Поболово) к юго-западу от Рогачева, на реке Добосне – притоке Днепра.

¹⁷ *Ibidem*, f. 147, op. 3, d. 11658, l. 9 ob.–11 ob.

¹⁸ *Ibidem*, l. 10 ob.–11.

¹⁹ Ревизские сказки. NIAВ, f. 333, op. 9, d. 16, l. 819 ob.–820, 821ob.–822, 831 ob., 841 ob., 848 ob., 854 ob., 864 ob.

Оно известно с середины XVI в. Привилеем короля Сигизмунда III с 1595 г. в нем дозволялось вести торг, что подтвердил Станислав Август в 1788 г. Поболов принадлежал князьям Воронецким, от которых перешел к Гриневичам, и по II разделу Речи Посполитой оказался в Российской Империи. По ведомости 1795 г. в самом Старом Поболове числилось 32 семьи – 97 мужчин, 81 женщина, все, кроме пастуха, «оседлые хлебопашцы»²⁰. По данным на 1803 г. к имению Поболов принадлежали еще 5 деревень с общим числом мужских душ 440, женских 349; к Горбацевичам относились 5 других деревень – мужчин 206, женщин 173²¹. Таким образом, число крепостных Гриневича в несколько раз превышало средний показатель по Империи (100–150 душ)²², а размеры и потенциал его поместий были довольно велики. Сегодня, увы, в Поболове не осталось никаких следов пребывания прежних зажиточных хозяев – ни старых зданий, ни даже могил.

Среди прочего, аннексия Россией земель Великого Княжества Литовского привела к их раздаче русской знати и к конфликтам с местными владельцами. К 1800 г. вспыхнул спор Томаша Гриневича с двумя русскими вельможами, подавшими жалобы в Петербурге, что он старается «завладеть знатным количеством земли и лесов от деревень,.. им пожалованных». Дело дошло до Сената, который указом от 23 июля (№ 3979) постановил, что Гриневичу «вдиратца» в те «земли и протчие угодьи и опустошать оные строжайше воспрещено». Примечательно, что Томаш был готов отстаивать свои права даже против высших чинов Империи: его соперниками в тяжбе были С.С. Жегулин – тайный советник и губернатор Белорусский в 1797–8 гг. и Н.Д. Дурново – сенатор, генерал-аншеф, в 1796 г. получивший от Екатерины II 1828 душ в Полоцкой и Минской губерниях²³. Силы были неравны, но Гриневич не сдавался и в 1802 г. подал прошение на имя Александра I «по его межевым спорам с владельцами соседних имений Узнога или Яново... Жегулиным и Дурново»²⁴. Выяснить окончательный исход дела мне пока не удалось.

Неплохой карьере Томаша в Речи Посполитой, несомненно, способствовала удачная женитьба. Вероятно, в 1777 г. его избранницей стала Konstancya córka Floryana, Xiążniczka Korybutówna Woroniecka, и этот союз принес Томашу Поболов. Кoryбут-Воронецкие герба Korybut – известный княжеский

²⁰ *ibidem*, l. 866–868 об.

²¹ *Ibidem*, f. 319, op. 1, d. 34. l. 34 об–35.

²² N.Ja. Jejdell'man, *Gran' vekov*, Moskva 1982, s. 10.

²³ NIAB, f. 299, op. 2, d. 104, l. 1–7.

²⁴ *Ibidem*, f. 588, op. 2, d. 78, l. 1–10.

род, происходящий, как традиционно считалось, от князя Федора Збаражского, потомка Гедимины в 7 колене (см. родословную к статье). К 1528 г. они стали зваться Воронецкими по имени Ворончин под Луцком²⁵, титул их был признан как в Речи Посполитой, так и в России²⁶. Отец Констанции князь Флориан упоминается в *Volumina Legum* в 1775 г., и его сын Юзеф († 1817), польский генерал-майор, приходился ей братом, хотя польские генеалогии о ней умалчивают²⁷.

25 января 1801 г. Минское Дворянское Собрание постановило признать род Томаша Гриневича в дворянстве:

Familią Urodzonych Hryniewiczów, jakoto dziś wywodzących się... Tomasza Piotrowicza... z sześciami synami... za Rodowitą i Starożytną Szlachtę Polską ogłaszamy, i onych do Księgi Szlacheckiej Gubernii Mińskiej do Pierwszej Klasy wnosimy... i wyjaśnienie rodowitości Szlacheckiej Familii Urodzonych Hryniewiczów do Ksiąg Wywodowych Gubernii Mińskiej zapisujemy²⁸.

26 июля 1808 г. Томаш Гриневич произвел раздел своих значительных имений – Горбацевичи, Рахоскол, Брозки, Красный Берег, Старый Поболов и Бортники Большие и Малые Бобруйского уезда – между своими шестью сыновьями: поручиком русской службы Никодемом; хорунжим Бобруйским и подполковником польских войск Юзефом; прапорщиками русской армии Игнацием и Михалом, и тогда еще малолетними Бернардом и Адамом. Акты о крещении указывают двойные имена кое-кого из них: Петр-Михал, Казимеж-Бернард, Адам-Томаш. У Томаша-старшего и Констанции была также дочь Леонора²⁹.

К концу 1811 г. отставной прапорщик Михал Гриневич (1788 – после 1843) жил в фольварке Красный Берег, будучи опекуном своих юных братьев Бернарда и Адама, учеников Виленской гимназии. Кроме фольварка

²⁵ J. Wolf, *Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku*, Warszawa 1895, s. 577–584. Принадлежность Воронецких к роду Гедимины ныне опровергается генетическими исследованиями. Они оказались чистокровными Рюриковичами (гаплогруппа N1c1); их предком был Владимир Мономах, но не через Мстислава Великого и Юрия Долгорукого.

²⁶ *Obshchij Gerbovnik dvorjanskih rodov Vserossijskoj Imperii*, XII, 5, Sankt-Peterburg 1882; kn. P.V. Dolgorukov, *Rossijskaja rodoslovnaja kniga, ch. 1.*, Sankt-Peterburg 1854, s. 330–32; P.N. Petrov, *Istorija rodov russkago dvorjanstva, t. I.*, Sankt-Peterburg 1886, s. 172, 195–196.

²⁷ Hr. J. Dunin-Borkowski, *Almanach błękitny. Genealogia żyjących rodów polskich*, Lwów–Warszawa 1908, s. 154–159.

²⁸ NIAB, f. 319, op. 1, d. 27, l. 31–32 ob.

²⁹ *Ibidem*, f. 147, op. 3, d. 11658, l. 12–12 ob., 22–25.

они владели Поболовом и четырьмя деревнями (392 души мужского пола). Старшие братья Юзеф и Игнацы имели во владении, соответственно, фольварки Бортники с двумя деревнями (396 душ м.п.) и Горбацевичи с семью деревнями (300 душ м.п.)³⁰. К счастью для них, опустошительный смерч войны 1812 г. пронесся севернее и пощадил их родные места. Поболов и окрестности были заняты войсками Великой Армии Наполеона, здесь квартировали части 17-й польской дивизии знаменитого генерала Яна Хенрыка Домбровского, и вероятно хозяева радушно принимали соотечественников. По-видимому, никто из семьи не участвовал в боевых действиях ни за одну из сторон (для подвластных царю поляков выбор между Наполеоном и Александром был нелегко), но в походах 1812–1815 гг. Михал поставлял „produkta na potrzeby Rosyisko Imperatorskich Wojsk pod ich kwity”³¹. К этому времени его родители умерли, он поселился в Поболове и 11 января 1815 г. был утвержден там во владении³².

Рано уволяясь с военной службы, Михал с конца 1810-х до середины 20-х годов занимал довольно престижный пост подкомория Бобруйского повета (уезда)³³. Подкоморские суды были учреждены по II Литовскому Статуту в 1566 г. Они рассматривали на местах дела по земельным спорам из гродского и земского судов и выносили решение в виде граничного листа. Апелляции подавались в Главный Литовский Трибунал. Упраздненные в 1772 г. в восточной Белоруссии и в 1795 в западной и центральной, они были восстановлены императором Павлом в 1797 г., но ликвидированы в 1832 г.³⁴

По примеру отца, Михал Гриневич в 1816 г. сыграл свадьбу с юной княжной – Геновефой³⁵, дочерью князя Казимежа Пузыны, хорунжего Упитского. Прежде полагали, что князья Пузыны герба Огиніес происходят от Св. Михаила Черниговского³⁶. Но по недавней убедительной гипотезе В.Г. Веренича, они – потомки смоленских и вяземских князей-Мономашичей, связанные с Козловским уделом, причем Козлов в их титуле превратился в Козельск (z Kozielska Puzyna)³⁷. Это вполне согласуется со старейшими сведениями об

³⁰ *Ibidem*, f. 333, op. 9, d. 198, l. 63–67; d. 200, l. 10.

³¹ *Ibidem*, f. 319, op. 2, d. 816, l. 12.

³² *Ibidem*, f. 147, op. 3, d. 11658, l. 26.

³³ *Ibidem*, f. 319, op. 1, d. 924, l. 3 ob.–4.

³⁴ *Fondy Nacional'nogo Istoricheskogo Arhiva Belarusi. Spravochnik*, Minsk 2006, s. 23.

³⁵ NIAВ, f. 333, op. 9, d. 91, l. 363; d. 91 a, l. 175.

³⁶ P.V. Dolgorukov, *Rossijskaja rodoslovnaja kniga*, t. 4, Sankt-Peterburg 1857, s. 26; S.L. Pta-shickij, *Knjaz'ja Puzyny. Istoriko-genealogicheskie materialy*, Sankt-Peterburg 1899.

³⁷ <http://forum.molgen.org/index.php?topic=93.75> (dostęp: 12.11.2018).

области их обитания близ Дорогобужа. В ходе истории Пузыны породнились с первейшими магнатами Речи Посполитой: Огиньскими, Потоцкими, Радзивиллами, Сапегами, Чарторыскими, Любомирскими. Из них выходили епископы, воеводы, каштеляны, генералы, сенаторы и послы. Прапрадед Геновефы, князь Кшиштоф-Доминик Пузына, «*maż wielkich zdolności*», стал воеводой Мстиславским, а дед Юзеф – генерал-адъютантом короля и членом Четырехлетнего Сейма (с 1790 г.) от «Патриотической партии»³⁸.

У Михала и Геновефы Гриневичей родилось четверо детей. Младшие сыновья Казимеж-Люциян (крещен 12/2/1819 – до 1838) и Эдвард-Симплицы (кр. 21/3/1820 – до 1834) и дочь Адольфа-Агрифина (кр. 2/7/1822 – до 1834)³⁹ скончались в детстве или юности. Старшего сына, главного героя этого очерка, ждала иная участь.

Дата его рождения пока неизвестна и приводится по-разному⁴⁰. В Минске мне удалось найти метрическую запись: Tomasz Piotr Hryniewicz крещен по католическому обряду в Поболове 24 февраля 1817 г.⁴¹ – итак, он появился на свет в начале 1817 или в конце 1816 г. Детство и отрочество Томаш, по обыкновению, провел в отцовском поместье. Стремясь обеспечить сыну будущее, в 1828 г. его отец заложил в петербургский Опекунский Совет 172 души своих крестьян в Поболове и деревнях Остров и Поповцы за «6000 рублей ассигнациями для приращения процентами впредь до возраста малолетняго Фомы Михайлова сына Гриневича»⁴². В том же году Томаш и Казимеж были отправлены «*dla odbycia kursu nauk w St. Petersburgu*»⁴³.

До начала моих архивных поисков я предположил: как командир повстанцев, Томаш Гриневич должен был иметь воинский опыт, а его происхождение указывало на легкую кавалерию. Когда я обнаружил его послужной список, догадка подтвердилась. В июне 1835 г. Михал, «имея намерение определить сыновей своих Фому и Казимира, оканчивающих курс наук

³⁸ T. Żychliński, *Złota księga szlachty polskiej. Rocznik XIII*, Poznań 1891, s. 271–280; J. Wolf, *Kniaziowie litewsko-ruscy*, s. 405–410; Hr. Dunin-Borkowski, *Almanach błękitny*, s. 160–162; E. Szklarska, *Puzyrna Krzysztof Dominik, Polski Słownik Biograficzny*, t. 29, Wrocław–Warszawa–Kraków 1986, s. 487–501.

³⁹ NIAВ, f. 937, op. 4, d. 13. l. 79, 84, 91 ob.

⁴⁰ Иногда – 1815 г. (V.A. D'jakov, *Dejатели russkogo i pol'skogo osvoboditel'nogo dvizhenija v carskoj armii 1856–1865 gg.*, Moskva 1967, s. 52). Тот же год стоит и на памятнике Гриневичу в Рогачеве.

⁴¹ *Kopija Metryk Kościoła Bobrójskiego 1799–1827*, NIAВ, f. 937, op. 4, d. 13, l. 67; NIAВ, f. 319, op. 2, d. 816, l. 6.

⁴² NIAВ, f. 588, op. 2, d. 239.

⁴³ *Ibidem*, f. 319, op. 2, d. 816, l. 10–11.

в Петербургской гимназии, в военную службу», просил Герольдию выдать им дворянские свидетельства, что и было сделано 4 января 1837⁴⁴. Но еще 7 декабря 1834 г., вероятно по протекции столичных друзей семьи, Томаш «вступил... для научения порядка службы в Дворянской Полк»⁴⁵.

Дворянский полк – привилегированное военно-учебное заведение в Петербурге для подготовки офицеров – был основан в 1807 г. В 1832 г. он был отделен от 2-го Кадетского Корпуса, и стал самостоятельным, со штатом в 1000 воспитанников (два 4-ротных батальона по 500 человек), при улучшенном финансировании и качестве преподавания. Оценки ставились по 12-бальной системе; средние баллы определяли старшинство при переходе в высший класс и выпуске. Кадеты нередко участвовали в парадах, учениях и маневрах в присутствии августейших особ. Производство в офицеры обычно объявлял сам император, и всем выпускаемым выдавалось на обмундировку, сверх третнего жалованья по чину, 75 рублей⁴⁶. Итог кадетских лет Томаша был таков: «По-русски читать и писать умеет, закону Божию, истории, географии, статистике, алгебре, геометрии, геодезии, правилам строевой, гарнизонной и лагерной службы, главным правилам тактики и малой войны, полевой фортификации, законоведению, сетуации [съёмка местности] и гимнастике обучался»⁴⁷. Сюда следует добавить польский язык, давно ставший для белорусских Гриневичей родным, и французский, который преподавали в Дворянском полку на достойном уровне.

С 1834 г. желающие служить в кавалерии, по представлении свидетельства, что имеют достаточное состояние, прикомандировывались на казенный счет к Образцовому Кавалерийскому полку⁴⁸ в звании юнкеров на 6 месяцев для освоения конной службы. Томаш состоял в этом полку с 17 августа 1837 по 28 марта 1838 г. 16 марта 1838 г. он был пожалован в корнеты со старшинством с 27 июля 1837 г., переведен в Лубенский Гусарский

⁴⁴ *Ibidem*, f. 147, op. 3, d. 11658, l. 8–8 об.; RGIA, f. 1343, op. 51, d. 607, ch. 3, s. 951.

⁴⁵ Формулярный список Томаша Гриневича от 27/9/1843, Rossijskij Gosudarstvennyj Voenno-Istoricheskij Arhiv (RGVIA), Moskva, f. 395, op. 34, d. 711, l. 4 об.– 5.

⁴⁶ M.G. Gol'mdorf, *Materialy dlja istorii byvshago Dvorjanskago Polka do pereimenovanija ego v Konstantinovskoe Voennoe Uchilishche 1807–1859*, Sankt-Peterburg 1882; «Russkaja starina» 1887, № 3, s. 791–892; A. Je. Ozarovskij, *Istorija «dvorjan» i «konstantinovec» 1807–1907*, Sankt-Peterburg 1908.

⁴⁷ RGVIA, f. 395, op. 34, d. 711, l. 7 об.

⁴⁸ Сформирован в 1826 г. в Петербурге. N.A. Disterlo, *Oficerskaja kavalerijskaja shkola. Istoricheskij oчерk (1803–1903)*, Sankt-Peterburg 1909.

3. Обер-офицер и рядовой Лубенского гусарского полка. 1828–1833. И.Д. Бурский, *История 8-го гусарского Лубенского Полка. 1807–1907*, Одесса 1912 (1913)

полк и прибыл на службу в свою часть 10 июня 1838 г.⁴⁹ Для определения в гвардию он был недостаточно знатен и богат, но все же получил довольно почетное место.

Лубенский Гусарский, основанный в 1807 г. и названный по городу Лубны Полтавской губернии, уже успел прославиться и имел много связей с землями бывлой Речи Посполитой и родными местами Гриневичей. В Войне 1812 г., в бою 13 июля под Яновом, лубенцы взяли первый русский трофей – саксонскую пушку; в октябре полк находился в авангарде в Герцогстве Варшавском, а год спустя особо отличился доблестной атакой в «Битве Наро-

⁴⁹ RGVIА, f. 395, op. 34, d. 711, l. 4 об.– 5.

дов» под Лейпцигом. Действуя против Великой Армии Наполеона, лубенцы участвовали в 48 больших сражениях и взятии Парижа. С 1826 г., по приказу великого князя Константина, полк пополнялся выпускными из Варшавской Школы Подхорунжих, которые

превосходно знали службу и составляли резкую противоположность коренным Лубенцам; привыкли видеть ловких и щеголеватых солдат польской армии, они возмущались мешковатостью и неуклюжестью наших людей... Польские офицеры, отличаясь врожденной веселостью, ловкостью в танцах, повлияли на внешность наших офицеров, сообщая им лоск; хотя вообще русские чуждались общества своих польских товарищей⁵⁰.

Восстание 1830–31 гг. застало лубенских гусар под Вильно, и они сражались с поляками при Вавре и Бялоленке. В 1833 г. они квартировали в Серадзе, и современник вспоминал: «Общеразговорный язык офицеров полка того времени был польский или немецкий. Многие русские офицеры отлично владели ими. Русский язык употреблялся только на службе. Бывало офицер, забывшись, командовал во фронте вместо „на лево кругом” „по тршы на лево в тыл”!». Однако «стоянка в Западном крае после восстания сделалась очень неприятной»; у командира постоянно требовали отчета о поведении и образе мыслей офицеров из поляков и литовцев. В конце 1836 г. полк перешел на постоянные квартиры в Севск Орловской губернии, так что «преобладавший до сих пор польский элемент офицерского общества стал заменяться великорусским»⁵¹. В 1830-х годах состояние полка представало блестящим, и он не раз получал благодарности императора за маневры и смотры. Правда, истинную цену николаевской муштры и формализма позже показала Крымская Война.

В мае 1838 г., накануне прибытия Томаша Гриневича, Лубенский полк был переименован. В честь нового шефа, короля Ганновера Эрнста Августа, он стал именоваться Гусарский Его Величества Короля Ганноверского полк. Служба Томаша пошла обычным чередом. 10 сентября его назначили полковым адъютантом, и он исправлял эту должность по 19 февраля 1839 г., а 23 марта 1840 г. получил чин поручика⁵². Самым ярким событием его недолгого

⁵⁰ I.D. Burskij, *Istorija 8-go gusarskago Lubenskago Polka. 1807–1907, Odessa 1912 (1913)*, с. 140–41. В этом труде среди офицеров-лубенцев упомянут Фома Гриневич (с. 640), но с неверной датой начала службы: «1832 [правильно 1838] – 1843». Об истории полка см. также: G.A. Chartoryzhskij, *Lubenskie gusary*, t. 1, Elisavetgrad 1872.

⁵¹ I.D. Burskij, *Istorija 8-go gusarskago Lubenskago Polka*, s. 197, 205–206, 216.

⁵² RGVIA, f. 395, op. 34, d. 711, l. 4 ob.– 5.

пребывания в рядах российской армии были грандиозные маневры на Бородинском поле, по поводу открытия памятника знаменитой битве 1812 г. На этот случай император Николай I собрал воедино более 120 тысяч воинов, в том числе, в составе 2-го Пехотного корпуса, и бывший Лубенский полк. Смотр продолжался с июля по начало сентября 1839 г. 18 августа, в числе прочих войск, полк представлялся императору, который остался весьма доволен. 23-го были маневры, и Николай нашел весь 2-й корпус «в отличном порядке и устройстве, с примерною во всех движениях правильностию и точным исполнением всех даваемых на самом месте приказаний»; полк Гриневича «был осчастливлен милостивым вниманием Государя; все эскадроны получили Высочайшую благодарность». 29-го состоялось «примерное сражение», причем многие части по возможности занимали те самые позиции, что и в 1812 г.; за отличие лубенцев их командир И.А. Антонов был пожалован в генерал-майоры. Наконец, 1 сентября состоялся завершающий «общий маневр всеми войсками при Бородине... без всяких предварительных начертаний, но по повелениям, которые Его Величеству благоугодно было отдавать на самом месте действий, при коем был соблюден всеми войсками и начальниками отличнейший порядок, точность, правильность и быстрота в движениях»⁵³.

После бородинского смотра Гриневич с полком отправился на новую стоянку в Слоним, в родную для него Минскую губернию. Тогда, как вспоминал очевидец,

снова пришлось слышать о беспорядках среди населения, о заговорах... Тут приходилось иметь дело с поляками «нехристами» – по понятию солдат, ненавидимых в свою очередь населением. [Русские] офицеры и солдаты встретили здесь недружелюбие и отчужденность. Не прошло недели, как уже было получено предписание, что некоторые офицеры из прежде квартировавшего здесь корпуса, через близкое сношение с неблагоприятствующими русскому правительству лицами,.. были замечены в предосудительных поступках. Поэтому предписывалось иметь самое строгое и деятельное наблюдение за всеми связями и знакомствами⁵⁴.

Однако Томаш ни в чем подобном замечен не был. К тому же служба не выглядела обременительной: обязанности офицера ограничивались ездой в манеже и караулом при штабе, только летом приходилось отбывать сборы. Маневрам уделялось не много времени, причем главную заботу по-прежнему

⁵³ *Ibidem*, l. 5–6; I.D. Burskij, *Istorija 8-go gusarskago Lubenskago Polka*, s. 219–220.

⁵⁴ I.D. Burskij, *Istorija 8-go gusarskago Lubenskago Polka*, s. 221–222.

му составляли стройность движений и церемониальные марши. В 20-х числах августа 1841 г. полк Короля Ганноверского участвовал в учениях и парадах на Липковском плацу в Ковно, вновь на глазах у Николая I. В мае 1842 г. лубенцы перешли в польское местечко Międzyrzec Podlaski. В августе 1843 г. полк выступил на смотр войск 2-го пехотного корпуса под Варшаву, а в декабре был переведен в польскую столицу и до 1 марта 1844 г. входил в состав варшавского гарнизона, размещаясь в Лазенских казармах. Наконец, в 1845 г. лубенцев даже возглавил поляк – полковник Казимеж Войнилович. Но к тому времени Томаш уже расстался со своими товарищами по оружию.

29 октября 1843 г. наместник Царства Польского князь И.Ф. Паскевич писал из Варшавы военному министру князю А.И. Чернышеву о Томаше Гриневице: «Прошу Вас... исходатайствовать Высочайшее Его Императорского Величества благосоизволение на увольнение упомянутого офицера от службы за болезнь»⁵⁵. Еще 5 марта 1842 г. Томаш по домашним обстоятельствам был уволен в годовой отпуск, в который отправился из полка 16 мая. Находясь в отцовской усадьбе, 8 мая 1843 г. он удостоился производства в следующий чин – штабс-ротмистра, но на этом его перспективная военная карьера прервалась по причине недуга. 28 апреля и 31 августа рогачевский уездный штаб-лекарь Миллер выдал ему два свидетельства, «что он действительно одержим на разных частях тела хроническими высыпками и язвами и ломотою ног в сильной степени», «и потому к месту своего служения в полк отправиться не может впредь до настоящего усовершенствования в здравьи»⁵⁶. Будучи вынужден просрочить отпуск на 4 месяца и 14 дней, Томаш был уволен от службы «за болезнь» 12 ноября 1843 г., в возрасте 26 лет. Таким образом, его армейские годы получились краткими и небогатыми на происшествия: «В походах не был,.. особых поручений... не имел; чинами, орденами и знаками отличия награждаем не был; в штрафах не бывал; Высочайшим замечаниям, выговорам и жалобам не подвергался»⁵⁷. Заурядный путь в мирное время для исполнительного, не выдающегося офицера, достаточно обеспеченного, чтобы рано удалиться на покой. Казалось, и будущее не сулит ему никаких тревог.

Хотя в болезни Томаша можно не сомневаться, его желание выйти в отставку вероятно имело и другие причины. 24 марта 1840 г. в Поболове от

⁵⁵ RGVIA, f. 395, op. 34, d. 711, l. 1–1 об.

⁵⁶ *Ibidem*, f. 395, op. 34, d. 711, l. 2, 3.

⁵⁷ *Ibidem*, l. 5–8 об.

чахотки умерла его 42-летняя мать⁵⁸. Отец состарился, и единственный наследник должен был думать об управлении фамильным поместьем, женьитьбе и продолжении рода. Правда, супруга ему досталась не столь именитая, как отцу и деду. 30 ноября 1844 г. в рогачевском костеле он сочетался с Наталией Добровольской, девицей 20 лет⁵⁹. Она была дочерью Михаила Людвиговича Добровольского (1781–1848) – скромного шляхтича Сеннинского повета, который не имел недвижимости, но многого достиг благодаря примечательной военной карьере. Начав унтер-офицером русской армии в 1801 г., он прошел 12 кампаний, был ранен при Бородине, командовал Уфимским пехотным полком и дослужился до генерал-майора и командира бригады; получил ордена Св. Владимира 4 и 3 степени, Св. Георгия 4 класса, Св. Анны 2 степени, саксонский Зеленый Крест и польский «*Virtuti militari*» 2 степени. По иронии судьбы последняя награда досталась ему за действия «в Царстве Польском против мятежников» в 1831 г., где он командовал русским отрядом и получил две контузии; за тот же поход Николай I пожаловал ему аренду на 12 лет по 1000 рублей серебром в год. В 1834 г., прослужив 33 года, Добровольский был отставлен с мундиром и полным пенсионом⁶⁰. В отличие от подавляющего большинства поляков, отец и дочь Добровольские исповедовали реформатскую веру.

О жизни Гриневичей в этот период известно мало, ибо семейные документы и другие свидетельства пока не обнаружены. Томаш и Наталия долго ждали детей. Первой (из выживших) стала дочь Констанция Мария, которая родилась 10 декабря 1852 и приняла крещение 18 апреля 1853 г.⁶¹ Сын Ян-Томаш (Иван-Фома) появился на свет 15 августа 1856 г. настолько слабым, что «тогда же по угрожавшей опасности окрещен... одною только водою»; католический обряд крещения над ним был завершен в Рогачеве лишь через 8 лет, 8 декабря 1864 г.⁶² Оба были рождены в новой резиденции Гриневичей – Верхней Тощице.

Впервые Тощица (Верхняя) упомянута как «благоприобретенное» владение Михала Гриневича, отца Томаша, в 1834 г., насчитывая тогда 109 душ⁶³, хотя у кого и когда она приобретена – сведений нет. Сохранилось довольно

⁵⁸ NIAB, f. 937, op. 4, d. 14, l. 291.

⁵⁹ *Ibidem*, f. 1781, op. 30, d. 313, l. 43 ob.

⁶⁰ RGVIA, f. 400, op. 12, d. 3894.

⁶¹ NIAB, f. 1781, op. 30, d. 325, l. 29.

⁶² *Ibidem*, f. 147, op. 3, d. 11658, l. 34–35.

⁶³ *Ibidem*, l. 13.

подробное ее описание к началу Восстания 1863–4 гг. Фольварк лежал на самом севере Рогачевского уезда, при речке Тошанке (Тощице), в 8 верстах от Днепра, в 15 от шоссе, в 23 от Рогачева и в 12 от Нового Быхова. Земли там считалось: «удобной» 925 десятин (по 2400 кв. сажен), «неудобной» 24, под лесом 740, итого 1689 десятин 408 (по другим данным 424) сажен, в том числе у крестьян 825 дес., «во владении экономии» 864 дес. 408 сажен; четвертей посева ржи 34. Крестьянских наделов было 150 (мужских душ 145, женских 128), то есть средний надел равнялся 5,5 дес. На 1863 г. доход от земли составлял 359 рублей, от оброчных статей 570 руб. 41 коп., всего 929 руб. 41 коп. В поместье имелись: господский деревянный дом о шести комнатах, крытый дором (дранью), на 2 крыльца; флигель о трех комнатах; разных изб 9, ледовня, поветь, овин, скотный двор, баня, мельница о двух поставах, сукновальня, корчма и винокуренный завод; сад в 1½ десятины, в нем яблонь 124, груш, слив и вишен 38, красной смородины 30 кустов и 4 улья пчел⁶⁴. Итак, хозяйство Томаша предстает довольно обширным и благополучным, принося чистого годового дохода 1176 рублей серебром. Однако казенных и частных долгов на имении числилось на куда бóльшую сумму – 8252 руб. 22½ коп. серебром⁶⁵, а дом назван «ветхим». Как бы то ни было, отставной штабс-ротмистр Гриневич готов был пожертвовать не только всем состоянием, но и судьбой своей семьи ради возрождения Польши, или даже ради одного проблеска надежды на ее возрождение.

К началу 1860-х годов вся Российская Империя, включая губернии Польши и Литвы, жаждала реформ. После сверхконсервативного, «окаменелого» правления Николая I его преемник подавал немало либеральных надежд. Вслед за манифестом об освобождении крестьян, 10 октября 1861 г. предводитель дворянства Рогачевского уезда подполковник Богуш и 50 местных дворян – все поляки – подписали «всеподданнейшую просьбу» на имя Александра II: 1) о возвращении им прав и преимуществ, которыми они издревле пользовались при королях Польских, что было обещано трактатами императрицы Екатерины II; 2) о возобновлении употребления польского языка в Могилевской губернии, как в училищах, так и в делопроизводстве; 3) о возвращении публичного и гласного судопроизводства; 4) о присоединении Рогачевского уезда со всей губернией к литовским губерниям, с которыми они были искони соединены; 5) о присоединении учебных заведений губернии к Виленскому Учебному Округу; 6) об открытии на прежнем

⁶⁴ *Ibidem*, f. 2001, op. 2, d. 171, l. 29 об.–30; d. 123, l. 7 об.–8.

⁶⁵ *Ibidem*, f. 2003, op. 1, d. 314, l. 8.

основании Виленского Университета и 7) о предоставлении полной свободы всем христианским вероисповеданиям, дозволив им строить храмы, где и как пожелают; при смешанных браках предоставить родителям крестить и воспитывать детей в той вере, в какой пожелают. Пункты были основаны «на прежних правах и преимуществах Белорусского края» и обещании Александра I на Венском конгрессе, «что он все области, присоединенные от Польши, соединит в одно и введет в них народное представительное правление». Этот адрес был сочтен властями «преступным», Богуша арестовали и доставили в III Отделение в Петербург, где на допросе он показал, что не знает, кем акт составлен и предложен, ибо выражал общее мнение⁶⁶. Среди подписавших скорее всего был и Томаш Гриневич.

По свидетельству одного из первых историков Восстания с русской стороны,

в 1862 г. польское общество в Могилевской губернии уже явно стало выражать свое сочувствие к варшавским событиям, явились трауры и чемарки, посылались гимны; поляки стали избегать русских, ксендзы с амвонов говорили двусмысленности; кое-где, во время службы, втихомолку пропускали поминать Императорскую Фамилию; паненки... накальвали белые орлики, оживились проселочные дороги частыми панскими съездами⁶⁷.

Напряжение в белорусском крае достигло предела, когда в январе 1863 г. в Польше разразилось мощное вооруженное выступление. В феврале жандармский полковник А.Д. Соколов и некий Сухомлинов, «преданный Престолу и Отечеству», отправили секретные рапорты могилевскому губернатору об обстановке в Рогачеве и уезде (орфография сохранена): многие здесь

увлекаются идеями о восстановлении Польши и так же вероятно действуют не в пользу Правительства, в особенности из них рогачевский ксенз Рогозевич... Со времени начавшагося возмущения в Польше поляки Рогачевского уезда начали как-то смелее высказывать свое нерасположение к Русскому Правительству и сочувствие к возмущившимся полякам. Это замечено не только между помещиками, но и служащими в Рогачеве чиновниками... Есть ли допустить, что шайки польских мятежников как-нибудь могли бы проникнуть в Рогачевский уезд, то нет ручательства, что бы некоторые более легкомысленные не присоединились бы к ним. У помещика Оскерки в Цихиничах, как у весьма гостеприимного и с средствами человека, нередко собирается общество, конечно Польское; ...там

⁶⁶ *Vosstanie 1863 goda. Materialy i dokumenty. Revoljucionnyj pod'em v Litve i Belorussii v 1861–1862 gg.*, Moskva 1964, s. 607–8.

⁶⁷ V. Ratch, *Oчерки mjatezhnago dvizhenija v Mogilevskoj gubernii v 1863 godu*, Vil'na 1865, s. 79.

поются гимны, любимый предмет разговора Польское возстание, и при этом конечно высказывается полное сочувствие к нему... Доктор вольнопрактикующий Яворовский весьма сочувствует возстанию в Польше и готов содействовать, носит постоянно чемарку. Доктор Василевский – то же, особенно под влиянием своей жены... Казначей Карпович высказывает большое сочувствие к возстанию поляков. Судья Комаровский также высказывает сочувствие, но кажется более подражает другим... Письмоводитель Предводителя Любавицкий высказывает довольно ясно свое сочувствие и один почти из служащих носит чемарку, встречается и провожает каждого поляка, которых провозят чрез Рогачев из Польши. Учитель Мациевич – рьяный защитник поляков и их возстания, называя это правым делом, жена его тоже вредная для общества женщина; он под надзором полиции.

В Рогачеве

многие чиновники принимают живейшее участие в возмутительных действ[и-ях] Польской нации, что они даже почти открыто и высказывают... Гражданская Администрация города Рогачева и уезда... почти вся в руках чиновников католического исповедания, и военное здешнее начальство находится в крайне затруднительном положении. Есть только один русский Городничий, но тот или идиот или глупец высшей степени...⁶⁸

При этом Томаш Гриневич не упоминался и по-видимому подозрений не вызывал, хотя можно предполагать, что он уже установил связь с повстанцами.

Январское Восстание, возглавленное Центральным Национальным Комитетом, постепенно охватило почти всю Польшу и Литву, а также Белоруссию и часть Правобережной Украины. В уездах Могилевской губернии создавались отряды из офицеров, чиновников, мещан, однодворцев⁶⁹, студентов и католического клира. Вожди инсургентов придавали немалое значение Могилевскому Воеводству. В случае успеха предполагалось, что его силы могут пойти на восток, чтобы сомкнуться с крестьянским движением в великорусских областях. В апреле 1863 г. на Могилевщину для руководства восстанием прибыл в качестве военного начальника Воеводства капитан русского Генерального Штаба Людвик Звездовский («Топор»).

У всех вообще начальников шаек... был одинаковый план действий, который состоял... в возбуждении народонаселения, особенно крестьян, противу пра-

⁶⁸ ПІАВ, f. 2001, op. 2, d. 1, l. 35–41 ob., 57–58.

⁶⁹ В польских и литовских губерниях Российской Империи – мелкая шляхта, не сумевшая подтвердить дворянское происхождение. Они платили налоги и несли повинности, включая рекрутскую, но могли владеть землей и крестьянами.

вительства чтением революционных манифестов, в склонении шляхты и однокорцев, преимущественно Римско-католического исповедания, к поступлению в шайки, в уничтожении мостов и переправ, порче телеграфических линий, ограблении правительственных учреждений и казенных сумм и в действии, где предоставится возможность, против русских войск. Все это и было ими исполняемо, где к тому предоставились случаи и удобства⁷⁰.

Общее выступление всех могилевских отрядов было назначено в ночь 23–24 апреля (5–6 мая н.ст.). В ту самую ночь крупнейший отряд под началом Звездовского (около 70 человек), при содействии студентов Земледельческого Института овладел Горы-Горками, после чего силы выросли вдвое, до 140. Одновременно выступили поветовые отряды: Рогачевский во главе с Томашем Гриневичем, Быховский – Ильдефонса Анцыпы, Оршанский – Игнация Будзиловича, Чериковский (Кричевский) – «Косы» Жуковского, Черноруцкий – Антония Олендзкого и Сенненский – Валериана Шлягера.⁷¹ Все они были невелики, насчитывая примерно от 15 до 40 человек.

Вполне естественно, что польская историография Восстания 1863–64 гг. уделяла главное внимание эпицентру борьбы – Царству Польскому, а незначительные по размаху выступления на периферии, в частности, на Могилевщине, изучались редко и описывались очень кратко и неточно. Иногда по горячим следам они, напротив, преувеличивались для поднятия боевого духа инсургентов. *Wiadomości o powstaniu na Litwie* (Wilno, No. 7, 25/5/1863) сообщали о Могилевщине:

W żadnym województwie nie było tak jednoczasowego i tak szczęśliwego w początkach powstania; stoczono kilkanaście utarczek dla nas pomyślnych, a ogólna niechęć ludu do wiary prawosławnej i oczekiwanie unii rokowało powstaniu najświetniejszą przyszłość... Całe województwo stosownie do umówionego planu wystąpiło... *Rohaczewski [oddział] po świetnej rozprawie pod Rohaczewem i bychowski połączyły się z powstaniem mińskim* [курсив мой – Д.Ф.]⁷².

В действительности «рогачевское дело» нельзя назвать «блестящим», и оно не смогло слиться с минским. Вообще же историки давно отметили и доказали, что «во всех литовских губерниях организация [восстания] была весьма слабая [и] отличалась медлительностью. Только в одной Гродненской

⁷⁰ *Vosstanie 1863 goda. Materiały i dokumenty. Vosstanie v Litve i Belorussii 1863–1864 gg.*, s. 488.

⁷¹ *Ibidem*, s. 487–489.

⁷² *Powstanie Styczniowe. Materiały i dokumenty. Prasa tajna z lat 1861–1864*, cz. 2, Wrocław–Warszawa–Kraków 1969, s. 13.

губернии она была устроена правильно»⁷³. На всем огромном пространстве Гродненской, Минской, Витебской и Могилевской губерний в апреле 1863 г. было лишь 3 стычки, а в мае – 26, большинство на Гродненщине⁷⁴.

Изредка в польских трудах встречается имя Томаша Гриневича, но почти без подробностей или с ошибками⁷⁵. Например, Б. Лимановский утверждает: «w rohaczewskim powiecie nad rzeką Drucią ucierał się Hryniewicz»⁷⁶, хотя последний жил и действовал не на реке Друти, а восточнее. С. Зелиньский и Э. Малишевский неверно датируют стычку у Нижней Тощицы 7 или 8 мая н.ст. 1863 г., а второй из них почему-то относит род Томаша к гербу *Przeginia* и Оршанскому повету. Однако он вполне справедливо замечает о могилевских повстанцах: «To też cicho o nich w dotychczasowych opisach powstania styczniowego. Tem niemniej jednak wydobyć już chyba należy z niepamięci tych ludzi i ich wysiłki. Spełnili bowiem swój obowiązek narodowy wśród najtrudniejszych okoliczności, z poświęceniem zaiste bezgranicznem, nie szczędząc mienia, krwi i życia»⁷⁷.

Хотя архив Гриневичей, по-видимому, погиб, материалы следственного дела (увы, далеко не полные) и уцелевшие показания очевидцев все же позволяют в общих чертах восстановить, что происходило в те апрельские дни 1863 г. на севере Рогачевского уезда.

Около 20 апреля Томаш Гриневич через некоего Станиславовича получил у себя в Верхней Тощице секретный пакет от Людвика Звездовского («Топора») – повстанческого начальника Могилевского Воеводства, который действовал по полномочиям от Центрального Национального Комитета в Варшаве. Станиславович на деле оказался подпоручиком 5-й артиллерийской бригады русской армии Станиславом Дзержановским (род. 1839), из дворян Плоцкой губернии, который 3 апреля покинул службу в Петербурге, чтобы примкнуть к инсургентам. Тайный приказ Гриневичу гласил,

⁷³ *Zarys Powstania styczniowego opracowany w Warszawskiej cytadeli. (Istoričeskij ocherk Vosstanija 1863 g., sostavlennyj v Varshavskoj citadeli)*, Wrocław 1985, s. 314–315.

⁷⁴ M.V. Misko, *Pol'skoe vosstanie 1863 g.*, Moskva 1962, s. 230.

⁷⁵ H. Stupnicki, *Imionospis poległych i straconych ofiar powstania roku 1863 i 1864*, Lwów 1865, s. 28; Z. Kolumna, *Pamiętka dla rodzin polskich. Krótkie wiadomości biograficzne o straconych na rusztowaniach, rozstrzelanych, poległych na placu boju... 1861–1866, cz. 1*, Kraków 1868, s. 58.

⁷⁶ B. Limanowski, *Historja ruchu narodowego od 1861 do 1864 r., cz. 2, Powstanie Polskie 1863 i 1864 r.*, Lwów 1882, s. 107.

⁷⁷ S. Zieliński, *Bitwy i potyczki 1863–1864*, Rapperswil 1913, s. 312; E. Maliszewski, *Rok 1863 na Kresach Mohilewskich*, Warszawa 1920, s. 21, 29.

что он назначается временным командиром поветового отряда, «сборный пункт к 23... апреля назначен у него, и что он должен выступить с [отрядом] и предпринимать все то, что им признано будет необходимым и полезным»⁷⁸. Текст «Диспозиции» Звездовского, в оригинале польский, известен и по архивным подлинникам, и по публикации:

Военный начальник повета, получив от военного начальника воеводства уведомление о дне восстания в его повете, должен к указанному дню собрать всех тех, которые обязались выступить с оружием. Сборный пункт должен быть назначен в нелюдном месте или в таком, что было бы недалеко от местности, подходящей для военных действий.

Могилевские повстанческие отряды должны были обосноваться в лесных урочищах, удобных для обороны, создавать опорные пункты с запасом оружия, боевых припасов и продовольствия. Людей следовало обучить простым воинским приемам, разделить на «плутоны» по 25–30 человек во главе с офицерами. Каждый отряд должен был иметь конную группу для разведки и легкий обоз; «атаковать неприятеля всем фронтом», построив в шеренги по 6–8 бойцов в 3–4 ряда. Намечалось вести партизанские действия: быстро маневрировать, не задерживаться более суток на одном месте, избегать встреч с сильными войсками, устраивать засады, разрушать коммуникации и связь, разоружать полицию и мелкие военные подразделения, уничтожать царских чиновников, сжигать дела сельских управлений и судов; атаковать, если возможно, уездные города, учреждая свои органы власти; всюду оглашать народу январский манифест о наделении крестьян землей и уничтожении повинностей. «Вербовать народ, а где не будет добровольцев – набирать рекрутов»⁷⁹. В. Ратч, один из первых русских историков Восстания, добавляет к инструкции повстанцам еще такие пункты: «Объявлять населению о прекращении власти царя и [о] новой власти короля Польского и императора французов; разглашать о близком следовании французских и польских войск; ...не чинить [жителям] никаких убийств, побоев, насилий и грабежей»⁸⁰. Звездовский намеревался объединить отряды в многотысячное войско с широким привлечением крестьян (по последу-

⁷⁸ *Delo Auditoriatskogo Departamenta Voennogo Ministerstva «O politicheskikh prestupnikah»*. 1/7 – 9/9/1863 g., RG VIA, f. 801, op. 92/37, 1863 g., d. 94, ch. 1, l. 391.

⁷⁹ Lietuvos Valstybės Istorijos Archyvas, Vilnius, f. 1248, op. 1, no. 417, ff. 617–618 v.; *Vosstanie 1863 goda. Materialy i dokumenty. Vosstanie v Litve i Belorussii 1863–1864 gg.*, s. 469–473.

⁸⁰ V. Ratch, *Ocherki mjatezhnago dvizhenija*, s. 93.

ющим показаниям пленных – до 15 тысяч). Понятно, что в столь опасном предприятии особое доверие и ответственность возлагались на бывших или действующих офицеров, какими были Гриневич и Держановский.

По свидетельству враждебного полякам, но хорошо осведомленного хрониста Восстания,

главнейшия ближайшия распоряжения для шаек, сколько видно по собранным сведениям и ходу дел, – образовать на правом берегу Днепра четыре шайки, на левом две... 4-й (Рогачевской) – сформироваться у фольварка Верхней Тощицы, утвердиться в лесах между Днепром и Дручью, поднять околицы четырех по соседству лежащих приходов: дворжечно-антушевскаго, озеранскаго, свержанскаго и рогачевского и действовать на юге от Могилева⁸¹.

Томаш вербовал людей, хорошо известных ему лично и преданных польскому делу, преимущественно из соседней шляхты, но успел созвать лишь немногих. Приведу состав его Рогачевского отряда, согласно документам следствия, с сохранением порядковых номеров и именных форм: 1) Петр Людвигов Случановский, дворянин, 24 лет; 2) Игнатий Лисовский, дворянин; 3) Исидор Кемпский, однодворец; 4) Иван Тимофеев Вержбовский, дворянин, 20 лет; 5) Василий Глыбовский, мещанин, 23 лет; 6) Осип Иванов Лабунский, дворянин, 65 лет; 7) Савелий Шумяцкий, крестьянин, 44 лет; 8) Антон Нарушевич, дворянин, 47 лет; 9) Иван Максимов Мышковский, дворянин, 26 лет; 10) Иосиф Россинский, дворянин, 27 лет; 11) Иосиф Стефанов Шацилло 2-й, дворянин, 24 лет; 12) Александр Жуковский, помещик, 45 лет (отставной инженер, штабс-капитан); 13) Григорий Яковлев Печковский, помещик, 29 лет (губернский секретарь, владелец Нижней Тощицы); 14) Викентий Павлов Вержбицкий, чиновник, 42 лет (губернский секретарь); 15) Станислав Людвигов Случановский, 22 лет; 16) Валентий Францов Цеханович, дворянин, 27 лет; 17) Михаил Станиславов Шунейко, дворянин, 28 лет; 18) Иосиф Флорианов Туровский, однодворец, 16 лет; 19) Викентий Михайлов Говорушковский, дворовый человек, 20 лет⁸². Итого – с командиром и Держановским 21 человек, от юношей до старика Лабунского; все, разве что кроме крестьянина, поляки и все шляхтичи, кроме одного мещанина, одного крестьянина и одного слуги (сословие Случановского не указано). И только трое имели опыт военной службы, причем не боевой!

⁸¹ *Ibidem*, s. 90.

⁸² NIAB, f. 2001, op. 2, d. 60, l. 50–52 об.

Времени на сборы и подготовку у Гриневича и его людей было крайне мало. 23 апреля, выполняя приказ «Топора», Томаш выступил и расположился на лесной поляне. Здесь он получил весть, которая сразу смешала все его планы. Как выяснилось, местные мужики, в том числе его собственные, наблюдали за ним и заподозрили «помещика своего... в тайных сношениях его с мятежниками, приезжавшими к нему из леса» и даже следили за Гриневичем «в лесу, в котором мятежники отливали пули, что они [крестьяне] подсмотрели, взлезши на дерево»⁸³. Дошло до того, что крестьяне в тот же день задержали и схватили ехавших к Томашу подпоручика Держановского и Бенедыкта Бугеня, 44-летнего викарного ксендза чечерского костела, который по-видимому должен был стать духовником отряда, с тремя их спутниками. Об этом вскоре сообщили в телеграмме из Могилева Шефу жандармов в Петербург: «Крестьянами взято... в Рогачевском [уезде] предводителя шайки ксендза и 5 человек»⁸⁴. Позднее 19 жителей деревни Нижняя Тошица под присягой показали, что ксендз «провозил оружие... [и] огнестрельные снаряды и при задержании его сделал выстрел из револьвера в крестьянина Гаврилу Васильева; ...при осмотре вещей ксендза в чемодане найден значительный сверток корпии и несколько пуль». Бугень же при допросе утверждал, что ехал в Могилев по своим надобностям, пока не был задержан крестьянами в Тошице; оружия при нем не было, в отряд его не приглашали и он ни в кого не стрелял, а оружие в повозке принадлежит другому лицу (Держановскому?), с которым он ехал и который также был взят в плен. Кроме того, некоторые тощицкие крестьяне

слыхали от своих жен, что жена помещика... Гриневича рассказывала между женщинами, что будет скверно всем им за то, что они арестовали мятежников, что поляки их бы не трогали, а что они хотели только уничтожить солдат, что она просит Бога дожидаться Петрова дня (29 июня), а то и она увидела бы своего Короля, как крестьяне Царя⁸⁵.

В этом и других эпизодах ярко проявилась враждебность белорусских крестьян к польским повстанцам, что стало одной из главных причин поражения последних. По признанию одного из польских командиров, Олендзкого, попытки воззвать к православным мужикам были «гласом вопиющего

⁸³ RGVIA, f. 801, op. 92/37, 1863 g., d. 94, ch. 1, l. 390–390 ob., 392.

⁸⁴ Gosudarstvennyj Arhiv Rossijskoj Federacii (GARF), Moskva, f. 109, 1 jeksp., 1863 g., op. 38, d. 23, ch. 20, l. 8.

⁸⁵ RGVIA, f. 801, op. 92/37, 1863 g., d. 94, ch. 1, l. 393 ob.–394.

в пустыне»⁸⁶; те отвечали: «Это ваше панское дело. Вы знаете, куда идете, а мы знаем пахать землю»⁸⁷. Русские власти приняли в Западном Крае ряд эффективных мер в развитие реформы 1861 г. и с успехом представляли дело так, что польские помещики поднялись против царя Александра Освободителя, стремясь восстановить крепостное право. В итоге русский современник вполне мог удовлетворенно отмечать:

Белорусское, сельское население... за весьма немногими исключениями ненавидело все, что носило имя польское, и в главе его – панов-притеснителей, чуждых ему по вере... Положение 19 февраля 1861 г... указало им, что они более не рабы, беспрекословные исполнители панских приказаний... [Они] порешили, что у панов не доброе на уме против Царя-освободителя, и сами ретиво кинулись к укрощению мятежа... Пожар могилевского мятежа мгновенно угас, затопленный в массе русского населения⁸⁸.

Здесь не нашлось знаменитых косиньеров, готовых умереть за Речь Посполиту. Селяне, помогавшие карательным войскам, лишали повстанцев одного из их немногих преимуществ – в знании местности, а за доставленных пленных они получали денежные награды. Один из поляков, заключенных в Могилеве, оставил карандашный рисунок бедно одетого мужика в лаптях с горькой подписью на белорусской мове: «Звяжы пана – грошы будуць!»⁸⁹. Впрочем, настроение тамошнего крестьянства неудивительно, если учесть давние этнические, религиозные, сословные и имущественные противоречия с польскими «верхами». Подсчитано, что в Белоруссии среди повстанцев крестьяне составляли не более 18%, и то в основном за счет Гродненщины, а в Могилевской губернии – всего около 10%⁹⁰.

Узнав об аресте своих соратников, Томаш принял очевидное решение – освободить их из рук селян, что, казалось, не составит никакого труда. С этой целью он взял с собой всего «12 человек, явившихся к нему по предложению Центрального Комитета и, раздав ружья тем из них, которые не

⁸⁶ A. F. Smirnov, *Vosstanie 1863 goda v Litve i Belorussii*, Moskva 1963, s. 206.

⁸⁷ *Arhivnye materialy Murav'evskogo muzeja, odnosjashchiesja k pol'skomu vosstaniu 1863–64 gg. Vilenskij vremennik*, Vil'na 1915, kn. VI, ch. 2, s. 423.

⁸⁸ V. Ratch, *Oчерки mjatezhnago dvizhenija*, s. 81–82.

⁸⁹ *Notatnik powstańca z więzienia mohilewskiego w 1863 r.*, Biblioteka Narodowa, Warszawa, Zakład Rękopisów, I 6540, k. 15.

⁹⁰ I. I. Kovkel', Je. S. Jarmusik, *Istorija Belarusi s drevnejshih vremen do nashego vremeni*, Minsk 2004; Ju. N. Denisov, *Rossija i Pol'sha. Istorija vzaimootnoshenij v XVII–XX vekah*, Moskva 2016, s. 449.

имели своих», пошел в Нижнюю Тощицу⁹¹. Но тут ему внезапно пришлось столкнуться с совсем другим, куда более грозным противником.

В тот же день, когда случились описываемые события, 23 апреля (5 мая), сенатор Н.А. Милютин, будущий статс-секретарь по делам Царства Польского, писал из Парижа в Петербург своему брату, русскому военному министру, предлагая «решительное военное действие в Польше и Литве. Не могу передать тебе, какое плачевное впечатление производит здесь безуспешность наших действий против полувооруженного сброда попов, мальчишек и всякой сволочи. Если это продлится, то никакая дипломатия, никакие либеральные меры не помогут»⁹². Однако министр Д.А. Милютин, весьма способный и распорядительный сановник, и без того отлично знал свое дело. Сначала в Могилевской губернии находилось 20 рот пехоты, в каждой от 50 до 100 человек, из них 1 1/2 роты в Рогачеве; там же и в других городах стояли артиллерийские батареи⁹³. Это было признано недостаточным. Для подавления мятежа, включая Белоруссию, были брошены весьма значительные силы. Сам министр вспоминал:

По первым известиям о беспорядках в Витебской и Могилевской губерниях были сделаны распоряжения о передвижении туда ближайших резервных батальонов, и кроме того придвинуты к границам обеих губерний кавалерийские полки: лейб-гвардии Уланский – из Новгорода к Режице, и гусарская бригада 7-й кавалерийской дивизии – из Тверской губернии в Поречье, откуда потом один полк перешел в Оршу⁹⁴.

Против повстанцев Белоруссии и Литвы теперь действовала 120-тысячная армия, не считая батальонов внутренней стражи и полиции. На Могилевщину против 300 (или немногим более) партизан было двинуто свыше целой дивизии⁹⁵!

Самый подробный и достоверный отчет о «Тощицком деле» содержится в архиве Черниговского пехотного полка⁹⁶, который действовал против поляков в тех краях; к счастью, он был опубликован. В Могилевской губернии на борьбу с инсургентами был отряжен 4-й резервный батальон чер-

⁹¹ RGVIА, f. 801, оп. 92/37, 1863 г., d. 94, ch. 1, l. 390 об.

⁹² D.A. Miljutin, *Vospominanija. 1863–1864*, Moskva 2003, s. 138.

⁹³ V. Ratch, *Oчерki mjatezhnago dvizhenija*, s. 89.

⁹⁴ D.A. Miljutin, *Vospominanija. 1863–1864*, s. 150.

⁹⁵ A.F. Smirnov, *Vosstanie 1863 goda*, s. 208.

⁹⁶ Этот самый полк в декабре 1825 – январе 1826 г. поднял восстание на Киевщине под командой декабристов С.И. Муравьева-Апостола и М.П. Бестужева-Рюмина, которые были вскоре казнены.

ниговцев, состоявший из пяти рот: четырех линейных и одной стрелковой. То были отнюдь не зеленые резервисты, а ветераны крымских кампаний во главе с «достоинейшими офицерами», особенно отличившиеся при обороне Севастополя. «Почти все офицеры и нижние чины были участниками минувшей войны, и в рядах последних немало насчитывалось георгиевских кавалеров... Наступило самое тяжелое, тревожное и памятное для полка время... Разыгралась кровавая драма, в которой приняла главное участие 15-я рота»⁹⁷.

23 апреля 1863 г., в 5 часов вечера, в Новый Быхов к командиру расположенной там 15-й роты Черниговского полка штабс-капитану Михайлову явился староста деревни Нижней Тощицы и донес, что у помещика Печковского, владельца этой деревни, собираются по ночам какие-то люди, а на утро куда-то скрываются. Из дворов Печковского и его соседа Гриневича перевозят в лес в большом количестве хлеб, муку, крупу и другие съестные припасы. Поэтому он с селянами захватил пять вооруженных мятежников (несомненно, речь шла о Держановском и Бугене с товарищами) и отобрал у них повозку с лошадьми, где найдены ружья, пистолеты, сабли и кинжалы. Так как по слухам мятежники, скрывавшиеся в лесах (якобы в числе до 200 человек – *как мы знаем, сильное преувеличение – Д.Ф.*), хотели напасть на Нижнюю Тощицу, сжечь ее и отбить пленных, то, дабы воспрепятствовать их намерениям, он просил помощи у штабс-капитана. Михайлов тотчас послал за становым приставом, по приезде которого передал ему донесение тощицкого старосты. На это пристав ответил, что вполне ручается за упомянутых помещиков и наверное здесь кроется какое-то недоразумение, а так как усадьбы этих помещиков находятся в другом уезде (Рогачевском), то он не имеет никакого права вмешиваться в дела полиции чужого уезда. После таких уверений Михайлов отменил поход. Однако крестьяне, видя все сделанные распоряжения и выстроенную роту, одетую в полную походную амуницию и готовую к выступлению, обратились к штабс-капитану с настойчивой просьбой не верить приставу, которого они тоже подозревали в сношениях с мятежниками, и просили разрешения раздать им из ротного цейхгауза ружья и пристать к роте.

Так как в продолжение всей своей стоянки в Новом Быхове штабс-капитан Михайлов имел много случаев лично убедиться в полнейшей преданности окрест-

⁹⁷ G. Mokrinskij, *Istorija 113-go pehotnago Starorusskago polka, (1796–1896 gg.)*, Sankt-Peterburg 1900, s. 213, 220, 222. 13 августа 1863 г. Черниговский резервный пехотный полк был переименован в Старорусский пехотный.

ных жителей Престола и Отечеству и сам сомневался в благонадежности станového пристава... уступая просьбе крестьян, он приказал немедленно выдать из цейхгауза ружья 40 крестьянам, 20 из них он оставил для охранения цейхгауза, а остальных присоединил к роте, в которой состояло *всего только* [курсив мой – Д.Ф.] 58 человек нижних чинов⁹⁸,

не считая офицеров. Следовательно, даже при том, что для комплекта роты полагалось 100 солдат, у Михайлова было более 80 человек, в основном кадровых ветеранов, против Гриневича с его 12-ю разномастными ополченцами, вооруженными в лучшем случае охотничьими ружьями!

В 7 часов вечера рота черниговцев форсированным маршем выступила к Нижней Тощице, куда пришла через два часа. Одновременно или чуть раньше туда же прибыла на почтовых лошадях из Рогачева 14-я рота Смоленского резервного полка под командой штабс-капитана Егорова. Силы русских, и без того намного превосходящие, возросли по меньшей мере вдвое; хотя характер местности и боя затруднял оценку численности друг друга, но по направлению, плотности и источникам огня опытные офицеры вполне могли ее оценить. Исход поединка был предreshен. Повстанцы, засевавшие на окраине деревни в срубках строившихся домов, открыли стрельбу по лошадям, на которых приехали смоленцы, и произвели между ними замешательство; лошади понеслись, но были удержаны нижними чинами, которые соскочили с подвод, сразу рассыпались в цепь и открыли ответный огонь. В этот миг подошел со своей ротой Михайлов, с двумя полувзводами бросился в атаку и сбил инсургентов с позиции.

Удар был настолько силен и стремителен, что повстанцы в беспорядке и замешательстве бросились «до лясу», а часть из них к озеру, где спаслись на приготовленных ими заранее лодках, переправясь на противоположный берег. В числе этих последних находился раненый начальник банды помещик Гриневич. Штабс-капитан Михайлов преследовал мятежников, бросившихся в лес, полторы версты, но так как темнота ночи и густота леса не позволили дальнейшего преследования, то роте было приказано, приняв все меры предосторожности, расположиться биваком. Ночью мятежники не показывались⁹⁹.

Назавтра, с рассветом, продолжалось преследование отряда Гриневича, и солдаты с помощью жителей находили и брали в плен одиночных повстанцев.

⁹⁸ *Ibidem*, s. 222–223.

⁹⁹ *Ibidem*, s. 223–224.

Урон со стороны мятежников был очень значительный. В плен было захвачено ротой 38 человек [многие из них не входили в отряд и вскоре были отпущены – Д.Ф.]; всех раненых и убитых мятежники успели захватить с собою, чему способствовала ночная темнота и густота леса. С нашей стороны были убиты два крестьянина, находившиеся при роте, а в 14-й роте Смоленского резервного полка тяжело ранен один и легко двое нижних чинов. В 15-й роте [черниговцев] убитых нижних чинов не было. У мятежников были отбиты коляска и фургон Гриневича, в которых было найдено много ружей, пистолетов, сабель и кинжалов¹⁰⁰, аптека с корпией и бинтами, различные вещи и бумаги самого Гриневича,

а также 8 лошадей и 4 повозки со съестными припасами¹⁰¹.

25 апреля в Верхнюю Тощицу прибыла на подводах 15-я рота Смоленского резервного полка под командой штабс-капитана Кусонского, вместе с исправником Рогачевского уезда. По предложению последнего были обысканы весь лес и фольварк Гриневича, причем найдено: в лесу – 15 четвертей овса и 2 четверти круп, а в доме – 3 ружья, кинжал и порох. Сам «раненый предводитель банды Гриневич был схвачен крестьянами в лесу. Ночью, после Тошинского дела, он скрывался в доме помещика Сеньковского»¹⁰². Характер ранения неизвестен, но поскольку документы следствия об этом умалчивают, оно вряд ли было тяжелым.

Сходную картину стычки, с некоторыми расхождениями и деталями, приводит Э. Малишевский:

Sprawnik rohaczewski, otrzymawszy wiadomość o zbieraniu się powstańców w Niższej Toszczycy, wysłał tam z Rohaczewa 14-tą kompanję 4-go bataljonu rezerwowego pułku pieszego smoleńskiego pod dowództwem kapitana Jegorowa. Przybywszy do Toszczycy – głosił późniejszy raport urzędowy – Jegorow zatrzymał rotę na drodze do dworu przy karczmie i, dowiedziawszy się od chłopca o zbliżeniu się powstańców, posłał na zwiady kozaka, do którego już po oddaleniu się o 50 sążni wystrzelono i zabito konia. Posławszy łańcuch strzelców, kapitan Jegorow rozpoczął strzelanie, które trwało blisko pół godziny; lecz choć z powodu zmroku wystrzały nie mogły być celne, jednakże powstańcy, zaprzestawszy strzelać, odeszli do lasu. Nie wiedząc o sile powstańców, rota odłożyła ściganie do poranka. O godz. 10-jej jeszcze jedna rota pułku pierwszego czernihowskiego wysłana została z powiatu bychowskiego. Tymczasem powstańcy, korzystając z nocy i z małej swej straty, podeszli z lasu brzegiem jeziora do dworu i, zasiadłszy w ogrodzie, o godz. 11-jej znowu rozpoczęły strzelanie, na które już odpowiedziały obie rotы i powstańcy zmuszeni byli do odwrotu. W ciemnościach ściganie już było niemożliwe. Zrana zato rotы ruszyły dalej, lecz nie mogły dowiedzieć się, dokąd poszła banda, a przy poszukiwaniu schwytały 16 jeńców, oprócz sześciu,

¹⁰⁰ «Отобрано в Рогачевском уезде от мятежников: ружей 1-ствольных 16, 2-ствольных 9, сабель 3»; NIAВ, f. 2001, op. 2, d. 125, l. 28.

¹⁰¹ G. Mokrinskij, *Istorija 113-go pehotnago Starorussskago polka*, s. 224–225.

¹⁰² *Ibidem*, s. 226.

wziętych przez włościan przed przybyciem wojska. Jeńcy są prawie wszyscy ze szlachty tego powiatu... Prócz tego zabrano broń, kilka koni, wóz z szarpiami. Kontuzjowany został 1 żołnierz, a z włościan, którzy dawali najczynniejszą pomoc, zabito 1 i raniono 2; straty powstańców niewiadome¹⁰³.

В этой версии акцент перенесен с роты черниговцев, которая подошла чуть позже, на роту смоленцев, но существенно то, что *они обе* действовали против горсти людей Гриневича, и к тому же, по обыкновению русской армии, с помощью казачьих разъездов. Согласно протоколу следствия, в казака стрелял и убил его лошадь сам Томаш¹⁰⁴.

Таким образом, люди Гриневича были рассеяны и переловлены и не смогли примкнуть к отряду Звездовского в соответствии с их планом. Но даже если Томашу удалось бы пробиться навстречу «Топору» и другим предводителям, при тогдашнем соотношении сил шансы повстанцев были ничтожны. В те же дни на Могилевщине были разгромлены и все остальные поветовые отряды – еще до того, как 1 мая 1863 г. был назначен с чрезвычайными полномочиями новый Виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев (для поляков, литовцев и русских либералов – «Вешатель»), который 15 мая объявил военное положение¹⁰⁵. За подавление мятежа из офицеров Черниговского полка награду получил только штабс-капитан Михайлов – орден Св. Станислава 3 степени (изначально польский!) «за разбитие 23 апреля, с вверенной ему ротой, повстанской банды при деревне Тощице». Так «прошел 63-й год, словно грозная туча, нависшая на западе и встревожившая на долгое время весь край». ¹⁰⁶ Чуда не свершилось, и Голиаф довольно легко победил Давида.

Арестованные повстанцы отправлялись в заключение в Могилев, причем было велено, «буде возможно, особенно важных виновников содержать отдельно»; в числе последних в одной из семи секретных камер Тюремного замка томился Томаш Гриневич. Число узников было столь велико (475 человек), что Тюремный замок переполнился, и их пришлось содержать в казармах и богоугодных заведениях¹⁰⁷.

¹⁰³ E. Maliszewski, *Rok 1863*, s. 29 – со ссылкой на источник: *Kurjer Wileński*, No. 5. Похожее описание дает и В. Ратч (*Ocherki mjatezhnago dvizhenija*, s. 20), но неверно называет Гриневича *штабс-капитаном*.

¹⁰⁴ RGVIA, f. 801, op. 92/37, 1863 g., d. 94, ch. 1, l. 390 ob.

¹⁰⁵ GARF, f. 109, 1 jeksp., 1863 g., op. 38, d. 23, ch. 20, l. 38.

¹⁰⁶ G. Mokrinskij, *Istorija 113-go pehotnago Starorusskago polka*, s. 260, 261.

¹⁰⁷ NIAB, f. 3257, op. 1, d. 1, l. 12, 32, 163 ob., 173, 213; f. 3257, op. 1, d. 2, l. 215; f. 3257, op. 1, d. 16, l. 42; f. 3255, op. 1, d. 2, l. 36 b, 39.

В конце апреля в Могилеве была учреждена военно-судная комиссия, куда доставлялись «уличаемые в сообществе с появившимися мятежными шайками и участии в их действиях»¹⁰⁸. 12 мая она начала заседания, допросы и очные ставки.

К делу «О лицах, находившихся в шайке мятежников под предводительством Гриневича и обвиняемых в содействии оной» были привлечены 23 «определенных участника» (см. список выше) и еще 21 человек: помещики, дворяне, однодворцы, а также мещанин, крестьянин, ксендз и врач. К рядовым участникам отряда суд проявил снисхождение. Станиславу Случановскому, как неизлечимо больному, сохранили свободу; владелец Нижней Тощицы Гжегож Печковский был сослан в Петрозаводск Олонецкой губернии; за Юзефом Шацилло установили полицейский надзор; остальные были освобождены на поруки¹⁰⁹. Но другой удел ждал Гриневича, Держановского и ксендза Бугеня, уголовные дела которых были объединены в одно.

На следствии Томаш пытался защищаться. При допросе он признал, что получил бумаги от Держановского,

но отказался в назначении его начальником над шайкою, которым он будто бы вовсе не был; что же до... того, что он вел шайку на освобождение... арестованных крестьянами деревни Тощицы, то Гриневич объясняет... что в том уезде есть две деревни Тощицы, Верхняя и Нижняя, и вероятно по ошибке Центральный Комитет назначил сборный пункт в той деревне Тощице, которая принадлежала ему, Гриневичу; почему он и решился быть проводником собравшихся к нему мятежников человек 12-ти до другой деревни Тощицы, в предположении, что встретит там настоящего начальника... но вместо того был встречен войсками¹¹⁰. [Однако] 14 лиц разного звания, находившихся в шайке Гриневича показали, что предводителем их был сам Гриневич; ...некоторые из них говорили уклончиво, что Гриневич был только старшим между ими, а другие – что проводником. 10 человек крестьян деревни Тощицы, под присягою утверждая, что Гриневич был предводителем шайки, обвиняют его еще в приводе к присяге на возстание крестьянина Данилу Антонова... Несмотря на такие улики, Гриневич не сознался ни в принятии начальствования над шайкою, ни в приводе крестьянина к присяге на возстание¹¹¹.

По документам крестьянин Антонов не состоял в отряде, но помочь Томашу это уже не могло.

¹⁰⁸ GARF, f. 109, 1 jeksp., 1863 g., op. 38, d. 23, ch. 20, l. 17–17 ob.

¹⁰⁹ NIAB, f. 2001, op. 2, d. 54; f. 2001, op. 2, d. 60, l. 1, 8–11 ob., 50–52 ob.; f. 3257, op. 2, d. 4.

¹¹⁰ RGVA, f. 801, op. 92/37, 1863 g., d. 94, ch. 1, l. 391–391 ob.

¹¹¹ *Ibidem*, l. 392.

Комиссия завершила расследование дела Гриневича и его товарищей и представила свои выводы командующему войсками в Могилевской губернии генерал-майору князю В.В. Яшвилю при рапорте от 11 июня¹¹². На этом основании

Военный суд нашел виновными: 1, помещика отставного штабс-ротмистра Фому Михайлова Гриневича – в начальствовании над шайкою мятежников, в принятии от подпоручика Держановского пакета от Центрального Комитета о назначении его начальником над шайкою мятежников, снабжении оружием находившихся в его шайке мятежников и перестрелке с русскими войсками. 2-е, Подпоручика Станислава Держановского – в принятии пакета от агента Центрального Комитета для передачи Гриневичу приказа о возмущении и в самовольной отлучке из места служения, с целью изменить законному правительству. 3-е, ксендза Венедикта Иванова Бугена – в... принятии участия в бывшем мятеже, провозе для того оружия, огнестрельных зарядов и корпии и в вооруженном сопротивлении при арестовании... [и] приговорил их... казнить смертию – разстрелянием, оставшееся же после них имущество конфисковать в казну¹¹³.

Князь Яшвиль, находя приговор суда правильным, тем не менее ходатайствовал о смягчении участи всех трех подсудимых.

Приговор был отправлен в Вильно на конфирмацию генерал-губернатору Муравьеву, который сохранил жизнь только Держановскому и Бугеню. Первый был лишен чинов, дворянства и всех прав состояния и сослан в каторжную работу в рудниках на 12 лет; второй лишен духовного сана и прав состояния и сослан на поселение «в более отдаленные места Сибири». Касательно Томаша, решение было таково:

Имея в виду, что... Гриневич был предводителем мятежнической шайки не только по имени, но и на самом деле, ибо в начале формирования шайки он, по собственному его сознанию, снабдил некоторых мятежников оружием, а в день перестрелки с войсками у деревни Тощицы, приняв начальство над мятежниками, повел их в дело и сам действовал против войск с оружием в руках, я нахожу, что... Гриневич заслуживает наказания по всей строгости закона, каковое наказание будет в отношении к нему тем более справедливо, что он состоял прежде в Государственной службе офицером и ныне присоединением своим [к] мятежу и деятельным в оном участием нарушил принятую им присягу и долг верноподданного... Признавая постановленный военным судом приговор о... Гриневиче вполне правильным и сообразным со степенью вины Гриневича, я утверждаю сей приговор... казнить смертию – разстрелянием в городе Рогачеве¹¹⁴.

¹¹² NIAB, f. 3257, op. 1, d. 2, l. 85.

¹¹³ RGVIА, f. 801, op. 92/37, 1863 g., d. 94, ch. 1, l. 394–395.

¹¹⁴ *Ibidem*, l. 395–396.

По моему семейному преданию Наталия, жена Томаша, обратилась к императору за помилованием, и оно даже якобы было даровано, но не поспело до свершения приговора. Однако источники этого не подтверждают. 17 июля 1863 г. штаб-офицер Корпуса Жандармов по Могилевской Губернии полковник Соколов 7-й рапортовал Шефу Жандармов генерал-адъютанту князю В.А. Долгорукову:

16-го числа сего месяца в 2 часа пополудни в г. Рогачеве помещик Рогачевского уезда, отставной штабс-ротмистр Фома Гриневич по приговору военного суда, утвержденному генералом от инфантерии Муравьевым, за составление мятежнической шайки в Рогачевском уезде и за начальствование над оною подвергнут смертной казни разстрелянием; для препровождения преступника из Могилева в г. Рогачев был командирован состоящий при мне за адъютанта капитан Вечеслов и три рядовых могилевской жандармской команды, которые, доставив преступника, сего числа возвратились¹¹⁵.

Вдова и дети погибшего, конечно, не могли утешаться тем, что расстрел мог считаться «почетной» казнью, в отличие от виселицы (многие вожди Восстания, в том числе Ромуальд Траугутт, несмотря на благородное происхождение и высокие чины, были повешены). Казнь, похоже, прошла рутинно, в ином случае происшествия были бы отражены в рапорте. По местным рассказам, могилу залили нечистотами, и батальон солдат промаршировал по насыпи, чтобы сравнять ее¹¹⁶. Никаких памятников или опознавательных знаков на захоронениях государственных преступников не дозволялось. Но жители Рогачева считали, что большой дубовый крест, долго стоявший близ старого городского кладбища, воздвигнут на могиле Гриневича. Недавно, в 2016 г., на том же месте рогачевскими почитателями истории был установлен железный католический крест и памятный камень Томашу Гриневичу с надписью на белорусском языке.

2 (14) сентября о приговоре и казни Гриневича, среди прочих confirmаций, военный министр Милютин доложил императору Александру II¹¹⁷. О приговоре Томаша сохранились также сведения в Вильнюсе, где тогда находилась резиденция пославшего его на смерть Муравьева, хотя новых деталей о командире рогачевского отряда эти документы не приводят¹¹⁸. Имя

¹¹⁵ GARF, f. 109, 1 jeksp., 1863 g., op. 38, d. 23, ch. 20, l. 68.

¹¹⁶ Сообщено А.Н. Рикунным, сотрудником Рогачевского Музея Народной Славы.

¹¹⁷ RGVA, f. 801, op. 92/37, 1863 g., d. 94, ch. 1, l. 513, 514 ob.

¹¹⁸ Lietuvos Valstybės Istorijos Archyvas, F. 378, op. 6, 1871, № 1, f. 15 v.; F. 494, op. 1, № 785, f. 66; F. 668, op. 1, № 407, f. 5.

Гриневича значится и в виленском списке казненных повстанцев 1863–1864 гг., изданном на польском языке; всего в литовских и белорусских губерниях было казнено 180 человек, в том числе 20 бывших или действующих офицеров русской армии из поляков, включая Гриневича. Но только четверо из них, в том числе Томаш, принадлежали к Могилевской губернии¹¹⁹.

Из всех членов своего рода, живших на территории бывшего Великого Княжества Литовского, по-видимому, только Томаш принял прямое участие в этом Восстании и только он был осужден. Несколько его однофамильцев сражались на противоположной стороне: капитан 111-го пехотного Донского полка Андрей Михайлович Гриневич (род. 1831), из дворян Виленской губернии, имел медаль «За усмирение польского мятежа 1863–64 гг.»¹²⁰, а Кирилл Степанович Гриневич 7 марта 1863 г. стал генерал-майором русской армии. Более того, брат жены Томаша, этнический поляк Владимир Михайлович Добровольский (1834–1877), в 1863 г. был помощником начальника Радомского отряда русских войск, и за отличия против повстанцев стал полковником и кавалером ордена Св. Владимира 4-й степени¹²¹.

Во исполнение судебного приговора, еще при жизни Томаша, 10 июля, Могилевское Губернское Правление приняло акт о конфискации в казну его поместья Верхняя Тощица¹²². 30 июля Рогачевское Уездное Полицейское Управление донесло, что «имение Помещика Фомы Гриневича конфисковано и... передано со всею движимостию в ведение Могилевской Палаты Государственных Имуществ», причем была представлена копия описи движимому и недвижимому имению¹²³.

Вдова Наталия Гриневич и дети казненного, 10-летняя Констанция-Мария и 7-летний Ян-Томаш, оказались на улице почти без средств и сильно нуждались. Наталия, «будучи крайне стеснена», подала отчаянное прошение могилевскому гражданскому губернатору Беклемишеву, которое осталось без последствий¹²⁴. Как могла, помогала им ее мать, вдова генерал-майора Михаила Добровольского, жившая в Риге, но ее ходатайство о единовре-

¹¹⁹ W. Studnicki, *Rok 1863. Wyroki śmierci. Spis przestępców politycznych, skazanych w guberniach: Wileńskiej, Kowieńskiej, Grodzieńskiej, Mińskiej, Witebskiej, Mohylewskiej i Augustowskiej, od czasu wybuchłego na Litwie Powstania do 1-go października (st. st.) 1864 r.*, Wilno 1923, s. 19, 53, 115a, 117a.

¹²⁰ RGVIA, f. 400, op. 9, d. 8775.

¹²¹ Он погиб в чине генерал-майора под Плевной, командуя 3-й стрелковой бригадой в Русско-турецкую войну.

¹²² NIAB, f. 2003, op. 1, d. 304, l. 2–3; d. 313, l. 1–2.

¹²³ *Ibidem*, f. 2003, op. 1, d. 314, l. 4, 7–7 ob.

¹²⁴ *Ibidem*, l. 11–15.

менном пособии в большем размере и увеличении пенсионера не было признано возможным в 1878 г.¹²⁵

Очевидно, с помощью бабушки Ян (Иван), хранивший католическую веру, смог поступить в Рижское Пехотное Юнкерское Училище и закончить его. Он был выпущен в 116-й пехотный Малоярославский полк, причем в 1875 г. начальство подавало секретные рапорты, что он «в отношении образа мыслей и преданности России постоянно оказывал себя благонадежным»¹²⁶. В 1892 г. Ян женился на потомственной дворянке Дагмаре фон Гемианн, уроженке Петербурга¹²⁷, но брак, похоже, был бездетен. 6 декабря 1904 г. его произвели в полковники и назначили штаб-офицером для особых поручений при Главном Интендантском Управлении¹²⁸. Дальнейшие известия о нем отсутствуют.

Судьба Констанции-Марии Гриневич неясна. В моей семье передавали, что она вышла замуж за учителя и волостного старшину Федора Ивановича Хапанцова, сына сельского войта – что, конечно, было мезальянсом для шляхтянки, хотя и обездоленной. Согласно тому же преданию, ее дочь Федора приходится прабабкой автору этих строк, хотя документальных доказательств у меня нет. Братья Федоры Тимофей и Николай до революции 1917 г. служили жандармами в Варшаве.

Занимаясь Гриневичами в течение нескольких лет и собрав немало любопытного, я крайне сожалел, что мне недостает *личных* сведений о Томаше – ни портрета, ни фотографии, ни одного письма, ни даже образца почерка, и почти никаких подробностей о его *внутреннем существе*. И вот совсем недавно, с помощью польских друзей, я получил доступ к «Альбому повстанца из могилевской тюрьмы», который хранится в Отделе рукописей Национальной Библиотеки в Варшаве¹²⁹. Кто-то из собратьев по несчастью внес в альбом предсмертное стихотворение Томаша, написанное за несколько недель до казни, и еще одно (очевидно, другого автора), посвященное его вдове Наталии, урожденной Добровольской. Поскольку более красноречивые свидетельства об этих людях сыскать трудно, привожу их полностью:

¹²⁵ RGVIA, f. 400, op. 12, d. 3894.

¹²⁶ *Ibidem*, op. 9, d. 11961, l. 8, 10.

¹²⁷ *Ibidem*, f. 409. p/s 122-379, l. 111–115.

¹²⁸ *Spisok Polkownikam po starshinstvu*, Sankt-Peterburg 1907, s. 945.

¹²⁹ *Notatnik powstańca z więzienia mohilewskiego w 1863 r.*, I 6540. <https://polona.pl/item/notatnik-powstancz-z-wiezienia-mohilewskiego-w-1863-r,NTEyNzEwNDk/2/#item> (dostęp: 19.11.2018). Этот альбом еще в 1960-е годы изучал белорусский исследователь Адам Мальдзис (А. Mal'dzis, *Padarozhza w XIX staggodze*, Minsk 1969).

Dla Hryniewiczowej (wdowie po rozstrzelanym mężu w Rohaczewie)

Strapiona smutkiem wdowo, lecz Polko szczęśliwa!
 Ty kielich poświęcenia już do dna wypijaś,
 Przecież boleść z Twojej piersi jęku nie wyrzywa,
 Bo jak Polka – dla Polski ofiarę spełniłaś...
 A jeśli w samotności cicha łza popłynie,
 Jeśli skargę w modlitwie zaniesiesz do Boga,
 Przed łkaniem Wszechmocnego Twoja łza nie zginie,
 I czysta krew ofiarna spadnie krwią na wroga.
 Błogosławionaś we łzach, smutku i niedoli,
 Dziś tęmi tylko słowy Twą boleść uczciemy,
 Lecz skoro nas opatrność wybawi z niewoli
 Godnej – godne serc polskich hołdy czci złożymy¹³⁰.

Pieśń osądzanego na śmierć Polaka

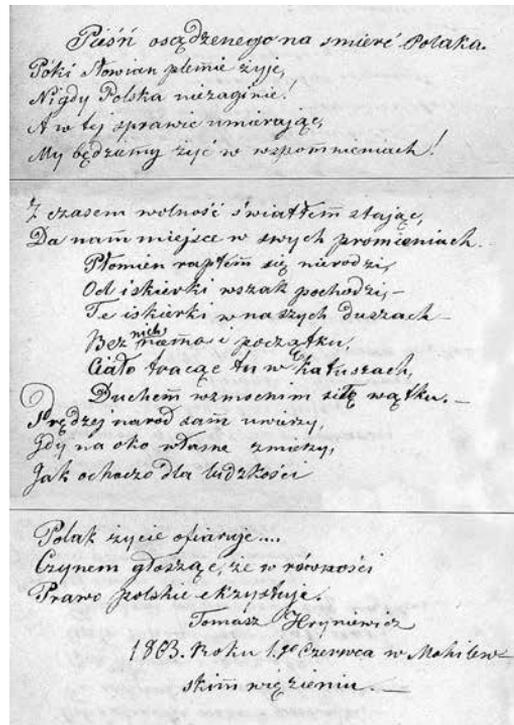
Póki Słowian plemię żyje,
 Nigdy Polska nie zaginie!
 A w tej sprawie umierając,
 My będziemy żyć w wspomnieniach!
 Z czasem wolność światłem stając,
 Da nam miejsce w swych promieniach. –
 Płomień raptem się nie rodzi,
 Od iskierek wszak pochodzi, –
 Te iskiereki w naszych duszach –
 Bez nich niema i początku.
 Ciało tracąc tu w katuszach,
 Duchem wzmocnim siłę wątku.
 Prędej naród sam uwierzy,
 Gdy na oko własne zmierzy,
 Jak ochoczo dla ludzkości
 Polak życie ofiaruje...
 Czynem głosząc, że w równości
 Prawo polskie ekzystuje.

Tomasz Hryniewicz
 1863 roku 1-go Czerwca w Mohilewskim więzieniu¹³¹.

¹³⁰ *Notatnik powstańca z więzienia mohilewskiego w 1863 r.*, k. 22–22 v. В этом альбоме есть и краткая запись о расстреле Томаша Гриневиной в Рогачеве (к. 8 v). Белорусские краеведы иногда считают Гриневиной и автором альбомных рисунков, но в самом источнике нет никаких указаний на это.

¹³¹ *Ibidem*, k. 28 v.–29 v. Несмотря на подпись, это не автограф, поскольку оба стихотворения, похоже, написаны одним почерком.

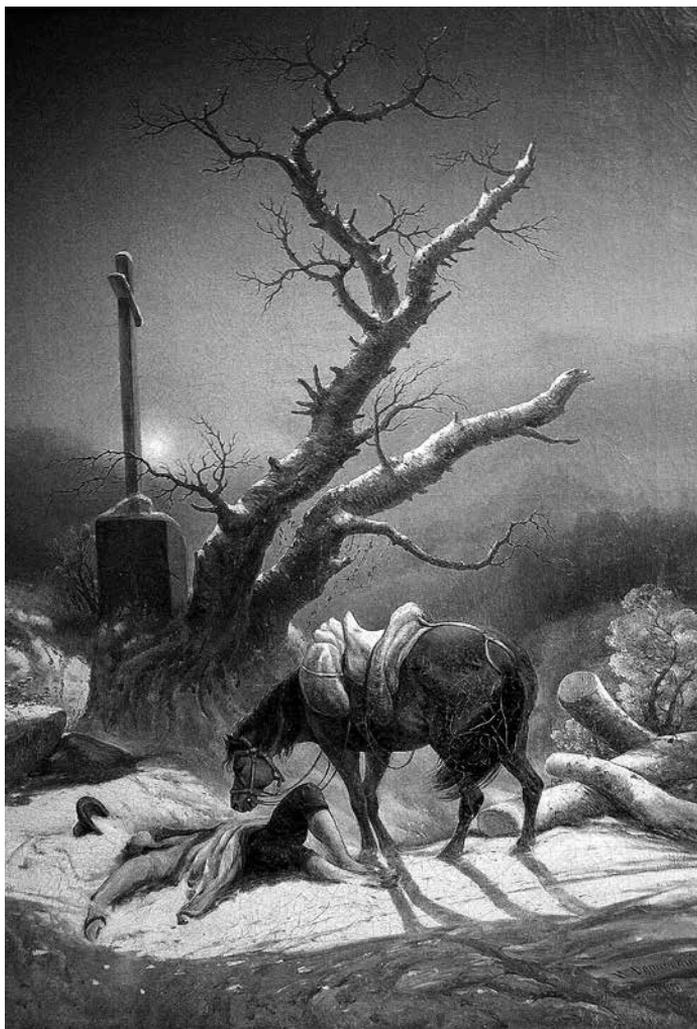
Эти строки, независимо от поэтических достоинств, воплощают смысл жизни и гибели их автора. Император Александр II наставлял поляков, дабы они не грезили о возрождении своей державы¹³², и учинил суровую расправу над повстанцами 1863–1864 гг. Верноподданное общественное мнение Российской Империи ликовало, а иные русские авторы насмеялись над побежденными: «Образование мятежнических шаек в Северо-Западном крае производилось большею частию отчаянными, до сумасшествия увлекшимися молодыми людьми, которым терять было нечего... На допросах в комиссиях они оказывались наивными до смеха...»¹³³.

4. Томаш Гриневич, *Pieśń osądzonego na śmierć Polaka* (Песня поляка приговоренного к смерти). *Notatnik powstańca z więzienia mohilewskiego*, Biblioteka Narodowa, Warszawa, Zakład Rękopisów, I 6540, k. 28v–29v

¹³² «Point de réveries! ("Никаких мечтаний!" (франц.))... Счастье Польши заключается в полном слитии ее с народами моей Империи»; N.V. Berg, *Zapiski o polskich zagovorach i vosstaniach 1831–1862*, Moskva 2008, s. 133.

¹³³ N.I. Cylov [генерал-майор, в 1864–1867 гг. председатель Виленской Следственной Комиссии], *Materialy k istorii Pol'skago vozstaniya v severo-zapadnykh gubernijah v 1863 g.*, RGVA, f. 846, op. 16, d. 1310, l. 126.

5. Иполит Горавский. У креста. Смерть повстанца. 1863. Фото. Национальный Художественный Музей Республики Беларусь, Минск, Беларусь

Так кончилась эта недельная, печальная драма, которую без сотней погибнувшего увлеченного юношества, пожара Горигорецка, десятка двух павших жертв с русской стороны и неизвестно сколько со стороны крамольной, можно было бы назвать комическим балетом, по нотам эмиграции, под свисток Жверждовского проплясанным около тысячью отуманенных голов... Чистейшее Дон-Кихотство, перенесенное на польские нравы...¹³⁴

¹³⁴ V. Ratch, *Ocherki mjatezhnago dvizhenija*, s. 27, 84.

И одиноко звучал «Колокол» А.И. Герцена: «Из польского дела мы себе почетного знамени не выкроим – полицейскому усмиренью и казни целого народа ни восторги, ни лавры не идут»¹³⁵.

Однако мечта Томаша Гриневича, крещенного в год смерти Тадеуша Косцюшко и павшего за то же дело, и всех его соратников исполнилась чуть более полувека спустя. По словам самого великого и верного из русских друзей Польши, ее сыны «в самом деле хотят независимости и идут один против десяти, коса против ружья, револьвер против пушки»¹³⁶. И потому, как писал со скорбной гордостью другой современник, «w mogiłach złożyliśmy najpiękniejszy kwiat narodu... Któż nie skłoni głowy przed majestatem śmierci poniesionej dla Ojczyzny?»¹³⁷.

6. Памятный крест Томашу Гриневичу в Рогачеве. Фото. Рогачевский Музей Народной Славы, Беларусь

¹³⁵ А.И. Герцен, *Chego oni tak ispugalis?*, „Kolokol” 1863, l. 163, 15 maja, s. 1343, <http://gertsen.lit-info.ru/gertsen/public/kolokol-1863-1865/article-79.htm> [(dostęp: 23.11. 2018)].

¹³⁶ А.И. Герцен, «*Kolokol*» i «*Den*», „Kolokol” 1863, l. 167, 10 iulja, s. 1374–1377, <http://gertsen.lit-info.ru/gertsen/public/kolokol-1863-1865/article-99.htm> (dostęp: 23.11.2018).

¹³⁷ В. Болевита (J.I. Kraszewski), w: Z. Kolumna. *Pamiętka dla rodzin polskich*, cz. 1, Kraków 1868, s. I.

BIBLIOGRAFIA (BIBLIOGRAPHY)

Źródła archiwalne

Gosudarstvennyj Arhiv Rossijskoj Federacii (GARF), Moskva,
f. 109, 1 jeksp., 1863 g., op. 38, d. 23, ch. 20.

Rossijskij Gosudarstvennyj Voенno-Istoricheskij Arhiv (RGVIA), Moskva
f. 395, op. 34, d. 711
f. 400, op. 9, d. 8775, 11961
f. 400, op. 12, d. 3894
f. 409, p/s 122–379
f. 801, op. 92/37, 1863 g., d. 94.

Rossijskij Gosudarstvennyj Arhiv Drevnih Aktov (RGADA), Moskva
f. 389, op. 1, d. 28.

Rossijskij Gosudarstvennyj Istoricheskij Arhiv (RGIA),
Sankt-Peterburg
f. 1343, op. 19, d. 4618.

Nacional'nyj Istoricheskij Arhiv Belarusi (NIAB), Minsk
f. 147, op. 3, d. 11658.
f. 299, op. 2, d. 104, l. 1–7
f. 319, op. 1, d. 27, 34, 816, 924; op. 2, d. 816
f. 333, op. 9, d. 16, 91, 91 a, 198, 200
f. 588, op. 2, d. 78, 239.
f. 937, op. 4, d. 13, 14
f. 1781, op. 30, d. 313, 325
f. 2001, op. 2, d. 1, 54, 60, 123, 125, 171
f. 2003, op. 1, d. 304, 313, 314
f. 3257, op. 1, d. 1, 2, 4, 16.

Lietuvos Valstybės Istorijos Archyvas, Vilnius
f. 378, op. 6, 1871, № 1
f. 494, op. 1, № 785
f. 668, op. 1, № 407
f. 1248, op. 1, № 417.

Opracowania

Arhivnye materialy Murav'evskogo muzeja, odnosjashchiesja k pol'skomu vosstaniju 1863–64 gg. Vilenskij vremennik, Vil'na 1915, kn. VI, ch. 2.

- Berg N.V., *Zapiski o pol'skikh zagovorah i vosstanijah 1831–1862*, Moskva 2008.
- Boniecki A., *Herbarz polski. Część I. T. VII. (Grabowscy – Hulkiwiczowie)*, Warszawa 1904.
- Burskij I. D., *Istorija 8-go gusarskago Lubenskago Polka. 1807–1907*, Odessa 1912 (1913).
- Chartoryzhskij G.A. *Lubenskie gusary*, t. 1, Elisavetgrad 1872.
- Chrząński S.T., *Tablice odmian herbowych*, Warszawa 1909.
- Cylov N.I., *Materialy k istorii Pol'skago vozstanija v severo-zapadnyh gubernijah v 1863 g.*, RGVIA, f. 846, op. 16, d. 1310, l. 126.
- Denisov Ju.N., *Rossija i Pol'sha. Istorija vzaimootnoshenij v XVII–XX vekah*, Moskva 2016.
- Diary of General Patrick Gordon of Auchleuchries 1635–1699*, 6 Vols, Aberdeen 2009–2016; Gordon P., *Dnevnik 1635–1698*, 6 tomov, Moskva 2000–2018.
- Disterlo N.A., *Oficerskaja kavalerijskaja shkola. Istoricheskij ocherk (1803–1903)*, Sankt-Peterburg 1909.
- D'jakov V.A., *Dejатели russkogo i pol'skogo osvoboditel'nogo dvizhenija v carskoj armii 1856–1865 gg.*, Moskva 1967.
- Dolgorukov P.V., *Rossijskaja rodoslovnaja kniga*, Sankt-Peterburg 1857.
- Dolgorukov P.V., *Rossijskaja rodoslovnaja kniga, ch. 1*, Sankt-Peterburg 1854.
- Dunin-Borkowski Hr. J., *Almanach błękitny. Genealogia żyjących rodów polskich*, Lwów-Warszawa 1908.
- Fondy Nacional'nogo Istoricheskogo Arhiva Belarusi. Spravochnik*, Minsk 2006.
- Gajl T., *Herbarz polski od średniowiecza do XX wieku* Gdańsk 2007. http://gajl.wielcy.pl/herby_nazwiska.php?lang=pl&herb=przyjaciel2 (dostęp: 22.11.2018).
- Gercen A.I., *Chego oni tak ispugalis?*, „Kolokol” 1863, l. 163, 15 maja, <http://gertsen.lit-info.ru/gertsen/public/kolokol-1863-1865/article-79.htm> (dostęp: 23.11.2018).
- Gercen A.I., «Kolokol» i «Den», „Kolokol” 1863, l. 167, 10 iulja, <http://gertsen.lit-info.ru/gertsen/public/kolokol-1863-1865/article-99.htm> (dostęp: 23.11.2018).
- Gol'mdorf M.G., *Materialy dlja istorii byvshago Dvorjanskago Polka do pereimenovanija ego v Konstantinovskoe Voennoe Uchilishche 1807–1859*, Sankt-Peterburg 1882.
- Jejdel'man N.Ja., *Gran' vekov*, Moskva 1982.
- Jenciklopedicheskij slovar' Brokgauz i Efron. Biografii*, t. 4, Moskva 1993.
- Kojałowicz Wijuk W., *Herbarz rycerstwa W. X. Litewskiego tak zwany Compendium*, Kraków 1897.
- Kolumna Z., *Pamiętka dla rodzin polskich. Krótkie wiadomości biograficzne o straconych na rusztowaniach, rozstrzelanych, poległych na placu boju... 1861–1866*, cz. 1, Kraków 1868, s. 58.
- Kovkel' I.I., Jarmusik Je.S., *Istorija Belarusi s drevnejshih vremen do nashego vremeni*, Minsk 2004;
- Kronika Polska Marcina Bielskiego*, Warszawa 1830.
- Kutrzeba S., Semkowicz W.A., *Akta unji Polski z Litwą, 1385–1791*, Kraków 1932.
- Limanowski B., *Historja ruchu narodowego od 1861 do 1864 r.*, cz. 2, *Powstanie Polskie 1863 i 1864 r.*, Lwów 1882, s. 107.

- Łojko J., *Sredniowieczne herby polskie*, Poznań 1985.
- Mał'dzis A., *Padarozhzhza w XIX stagoddze*, Minsk 1969.
- Maliszewski E., *Rok 1863 na Kresach Mohilewskich*, Warszawa 1920.
- Metryka Vjalikaga Knjastva Litovskaga. Kniga 28 (1522–1552)*, Mensk 2000.
- Miljutin D.A., *Vospominanija. 1863–1864*, Moskva 2003.
- Misko M.V., *Poľskoe vosstanie 1863 g.*, Moskva 1962.
- Mokrinskij G., *Istorija 113-go pehotnago Starorusskago polka (1796–1896 gg.)*, Sankt-Peterburg 1900.
- Notatnik powstańca z więzienia mohilewskiego w 1863 r.*, Biblioteka Narodowa, Warszawa, Zakład Rękopisów, I 6540, k. 15.
- Obshchij Gerbovnik dvorjanskich rodov Vserossijskoj Imperii, XII*, Sankt-Peterburg 1882.
- Okolski S. *Orbis Polonus*, t. 2, Cracoviae 1642.
- Ozarovskij A. Je., *Istorija „dvorjan” i „konstantinovcev” 1807–1907*, Sankt-Peterburg 1908.
- Paprocki B., *Herby rycerstwa polskiego*, Kraków 1858.
- Petrov P.N., *Istorija rodov russkago dvorjanstva*, t. 1., Sankt-Peterburg 1886.
- Polski Słownik Biograficzny*, t. 29.
- Powstanie Styczniowe. Materiały i dokumenty. Prasa tajna z lat 1861–1864*, cz. 2, Wrocław–Warszawa–Kraków 1969, s. 13.
- Ptashickij S.L., *Knjaz'ja Puzyny. Istoriko-genealogicheskie materialy*, Sankt-Peterburg 1899.
- Ratch V., *Oчерki mjatezhnago dvizhenija v Mogilevskoj gubernii v 1863 godu*, Vil'na 1865. „*Russkaja starina*” 1887, № 3.
- Smirnov A. F., *Vosstanie 1863 goda v Litve i Belorussii*, Moskva 1963.
- Sofonovych F., *Hronika z litopysciv starodavnih*, Kyi'v 1992.
- Special'naja karta Evropejskoj Rossii (Karta Strel'bickogo)*, list 29 – *Mogilev*, Sankt-Peterburg 1865.
- Spisok Polkovnikam po starshinstvu*, Sankt-Peterburg 1907.
- Studnicki W., *Rok 1863. Wyroki śmierci. Spis przestępców politycznych, skazanych w gubernjach: Wileńskiej, Kowieńskiej, Grodzieńskiej, Mińskiej, Witebskiej, Mohylewskiej i Augustowskiej, od czasu wybuchłego na Litwie Powstania do 1-go października (st. st.) 1864 r.*, Wilno 1923.
- Stupnicki H., *Imionospis poległych i straconych ofiar powstania roku 1863 i 1864*, Lwów 1865, s. 28;
- Vosstanie 1863 goda. Materialy i dokumenty. Revoljucionnyj pod'em v Litve i Belorussii v 1861–1862 gg.*, Moskva 1964.
- Wolf J., *Kniaziovie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku*, Warszawa 1895.
- Zarys Powstania styczniowego opracowany w Warszawskiej cytadeli. (Istoricheskij oчерk Vosstanija 1863 g. sostavlenyj v Varshavskoj citadeli)*, Wrocław 1985.
- Zieliński S., *Bitwy i potyczki 1863–1864*, Rapperswil 1913.
- Żychliński T., *Złota księga szlachty polskiej. Rocznik XIII*, Poznań 1891.

